

«Лучший детальный курс истории Первой мировой».

The Gardian

ДЖОН КИГАН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

**ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ,
КОТОРАЯ РАСКОЛОЛА МИР
И ПРИВЕЛА ЕВРОПУ К ГИБЕЛИ**

Джон Киган

**Первая мировая война. История
Великой войны, которая расколола
мир и привела Европу к гибели**

«Азбука-Аттикус»

1998

УДК 94(100)"1914/1918"
ББК 63.3(0)53

Киган Д.

Первая мировая война. История Великой войны, которая расколола мир и привела Европу к гибели / Д. Киган — «Азбука-Аттикус», 1998

ISBN 978-5-389-12198-0

В июне 1914 года каждый человек в Европе был уверен, что кровопролитие больше не затронет его жизнь, однако затем роковой выстрел разрушил мир, казавшийся долговечным. Франц Фердинанд, наследник Австро-Венгрии, прибыл в Сараево с официальным визитом. Его предупреждали, что поездка опасна. Он не прислушался к советам и поплатился за это жизнью. Убийство Франца Фердинанда и его жены сербскими заговорщиками послужило поводом к войне, которую еще долгие годы будут называть Великой войной.

Она нанесла серьезный ущерб рациональной цивилизации европейского Просвещения и стала зловещим предзнаменованием Второй мировой войны. Авторитетный британский историк Джон Киган показывает процветающий мир накануне 1914 года и глубоко анализирует причины и последствия Великой войны. Она повлекла за собой расовую ненависть, политическую вражду, разрушение европейской культуры, гибель 10 миллионов человек, ознаменовала провал дипломатии. «Все самое худшее, что видел XX век, уходит корнями в хаос, порожденный Первой мировой войной» (Джон Киган).

Ранее книга издавалась под заголовком «Великая война. 1914–1918». В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)"1914/1918"

ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-389-12198-0

© Киган Д., 1998
© Азбука-Аттикус, 1998

Содержание

Благодарность	7
Глава первая	8
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джон Киган
Первая мировая война. История
Великой войны, которая расколола
мир и привела Европу к гибели

Памяти жителей Килмингтона, не вернувшихся с Первой мировой войны, с благоговением посвящаю эту книгу

John Keegan

THE FIRST WORLD WAR

Перевод опубликован с разрешения Aitken Alexander Associates Ltd. и литературного агентства The Van Lear Agency

В оформлении обложки использована иллюстрация © Everett Collection/Shutterstock.com

© John Keegan, 1998

© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

Колибри®

Благодарность

Я вырос в окружении мужчин, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны, и женщин, которые дома ждали от них вестей. На передовой были мой отец и два его брата, а также мой тесть. Все четверо вернулись с войны. Они рассказывали далеко не все, но из фронтовых воспоминаний отца и тестя я узнал, что такое война. Сестра моего отца, так и оставшаяся незамужней, – одна из множества молодых англичанок, женихи которых не вернулись с фронта, – в конце своей жизни тоже рассказала мне кое-что о тревогах того времени. Именно они, а также сотни других людей, прямо или косвенно затронутых трагедией войны, вдохновили меня на написание этой книги.

Она во многом основана на моих личных воспоминаниях, но и литературные источники я изучал очень внимательно. Мне были доступны интересные книги. Эти работы оказались чрезвычайно полезными, и я хочу поблагодарить руководителей и сотрудников библиотек британской Королевской военной академии в Сандхерсте, Военной академии США в Уэст-Пойнте, американского колледжа Вассара, а также газеты The Daily Telegraph. Моя особая благодарность полковнику Роберту Даути, начальнику кафедры истории в Уэст-Пойнте, и его заместителю майору Ричарду Фолкнеру – за то, что в 1997 году, когда я читал лекции в колледже Вассара, помогли мне получить разрешение пользоваться великолепной библиотекой Военной академии США. Я благодарен заведующему Лондонской библиотекой и ее персоналу, а также Тони Нойесу, председателю Ассоциации английских ветеранов войны.

Я в огромном долгу перед Энтони Уиттом – моим редактором в издательстве Hutchinson, и Эшбел Грин – редактором в издательстве Knopf, Анной Марией Эрлих – редактором рисунков и составителем карт, Аланом Гиллилендом – редактором графического материала газеты The Daily Telegraph. Особая признательность Энтони Шейлу – моему литературному агенту. Я благодарен Линдси Вуд, которая печатала рукопись, указывала на допущенные ошибки, расшифровывала мои каракули, проверяла ссылки на литературу, устраняла несоответствия и преодолевала всякого рода трудности при издании книги. Линдси снова доказала, что как секретарю ей нет равных.

Хочу отметить терпение Чарльза Мура, редактора газеты The Daily Telegraph, и помощь моих коллег Роберта Фокса, Тима Бутчера, Трейси Дженнингс, Люси Гордон-Кларк и Шарон Мартин. Особую благодарность я испытываю к Конраду Блэку, владельцу The Daily Telegraph.

Благодарю моих друзей в Килмингтоне – Хонор Медлем, Майкла и Несту Грей, Мика Ллойда и Эрика Кумбса. Без них эта книга никогда бы не появилась.

И как всегда – огромная любовь и благодарность моей дорогой жене Сюзанне и нашим детям Люси, Роуз, Томасу и Мэттью, а также зятю Бруксу Ньюмарку.

*Мейнор-хаус, Килмингтон
23 июля 1998 года*

Глава первая Трагедия Европы

Первая мировая война – конфликт трагический, но совершенно необязательный. Необязательный он потому, что цепь событий, которые к нему привели, могла быть прервана в любой момент на протяжении пяти недель кризиса, предшествовавшего первым столкновениям на поле боя, – если бы верх взяли благоразумие и добрая воля. Трагический же это конфликт потому, что последствия первых столкновений повлекли за собой 10 000 000 смертей, страдания многих людей, а также разрушение культуры Европейского континента. Четыре года спустя пушки наконец смолкли, но война оставила в наследство политическую вражду и расовую ненависть такой силы, что без ссылок на них не может обойтись ни одно объяснение причин начала следующей Великой войны. Вторая мировая, забравшая в пять раз больше человеческих жизней (не говоря уж о несравнимом материальном ущербе), была прямым следствием Первой мировой войны. 18 сентября 1922 года Адольф Гитлер, демобилизованный с фронта солдат, поставил перед побежденной Германией цель, которую сам же и реализовал 17 лет спустя: «Нельзя допустить, чтобы гибель двух миллионов немцев оказалась напрасной. Наша обязанность отомстить за них!»¹

Память об этой мести можно найти по всему разрушенному континенту – в восстановленных центрах немецких городов, которые сровняли с землей летчики антигитлеровской коалиции (налеты стали ответом на агрессию Третьего рейха), а также в Ленинграде, Сталинграде, Варшаве, Роттердаме, Лондоне и других городах, превращенных в руины самими немцами. Остатки фортификационных сооружений Атлантического вала – системы долговременных и полевых укреплений длиной свыше 5000 километров, созданной германской армией после разгрома Франции вдоль европейского побережья Атлантики от Норвегии и Дании до границы с Испанией, построенной в тщетной надежде остановить наступление противника, – тоже служат памятником его жажды мести, как и бараки Аушвица и лагерей смерти в Собиборе, Белжеце и Трешлинке. Детский ботинок в польской пыли, моток ржавой колючей проволоки, измельченные кости поблизости от того места, где располагались газовые камеры, – все это наследие не только Второй мировой войны, но и Первой². У них есть предшественники – та же самая колючая проволока на французских полях, некогда изрытых траншеями и сырым утром наполняющих воздух запахом ржавчины, полусгнившие обрывки кожаной амуниции, которые туристы изредка находят под живыми изгородями вдоль дороги, покрытые патиной медные бляхи и пуговицы, проржавевшие остатки оружия и зазубренные осколки снарядов. У них есть предшественники и в виде останков безымянных солдат, которые и сегодня находят фермеры в пропитанной кровью земле на берегах Соммы («Я сразу же прекратил работу. Я с большим уважением отношусь к погибшим англичанам...»), – точно так же, как нечетким кадрам с горами тел в массовых захоронениях в Белжеце в 1945 году предшествовали размытые изображения французских солдат, штабелями складывающих тела погибших товарищей после Второй битвы в Шампани в 1915-м. Первая мировая война впервые запустила машину массового убийства, а Вторая мировая безжалостно довела ее до совершенства.

Есть и официальные памятники. Почти во всех французских и британских городах и деревнях можно найти мемориалы погибшим во Второй мировой войне. Есть такой и в Килмингтоне – там список имен вырезан у подножия надгробного креста, установленного на перекрестке дорог. Сам крест поставили в память о молодых людях, не вернувшихся с фронтов Пер-

---

¹ Bullock A. Hitler. London, 1952. P. 79.

² См.: Gilbert M. The Holocaust. London, 1987. P. 17.

вой мировой войны, причем их число в два раза превышало число погибших во время Второй мировой. В 1914 году в деревне жили около 200 человек, и не вернувшиеся с фронта У. Грей, А. Лэпхем, У. Ньютон, А. Норрис, С. Пенн, Л. Пенн и У. Дж. Уайт – это примерно четверть мужчин призывного возраста, ушедших на войну. Их имена можно найти в метрических книгах, которые ведутся с XVI века. Эти документальные свидетельства дожили до наших дней. По книгам легко увидеть, что Первая мировая война принесла столько горя, сколько это поселение, основанное англосаксами еще до Нормандского завоевания, никогда не видело раньше, а если точнее, то и позже. Мемориальный крест – единственный, если не считать церкви, памятник в деревне. Такие же кресты есть во всех соседних деревнях и городах графства, а также в епархиальном соборе в Солсбери. Точно такой же крест установлен в каждом французском соборе, и внизу обязательно есть табличка с надписью: «Во славу Господа и в память павшего в мировых войнах миллиона британцев, многие из которых нашли упокоение во французской земле».

Рядом с этими крестами стоят памятники местным жителям – их можно найти во всех соседних населенных пунктах. В Первой мировой войне Франция потеряла почти 2 000 000 человек. Другими словами, двух из девяти призванных в армию... Очень часто в честь павших на постамент ставили статую солдата, *poilu*³, в мундире французской армии с винтовкой в руке, штык которой указывает на восток, в сторону границы с Германией. Список имен на постаменте прискорбно длинен, а повторяющиеся фамилии свидетельствуют о том, что некоторые семьи теряли не одного, а нескольких человек сразу. Такие списки, вырезанные на камне, можно увидеть в больших и маленьких городах почти всех участвовавших в Первой мировой войне стран. Особенную горечь я испытал перед строгим, выдержанным в классическом стиле памятником кавалерийскому отряду региона Венето рядом с собором на острове Мурано в Венецианской лагуне – бесконечные столбцы с фамилиями молодых людей из долины реки По, павших в суровых нагорьях Юлианских Альп. Подобные чувства я испытывал и в храмах Вены, где строгие каменные плиты увековечивают память полков империи Габсбургов, теперь почти забытых.

У немцев, которые не всегда могут достойно оплакать своих солдат и офицеров, погибших во время Второй мировой войны, из-за того что их армия была скомпрометирована зверствами нацистов, есть трудности, если не материальные, то моральные, в должном символическом выражении собственной скорби по павшим в Первой мировой, поскольку многие из них лежат в чужой земле. На востоке поля сражений были закрыты для них большевистской революцией, а на западе им в лучшем случае позволяли эксгумировать и перезахоронить погибших. В сердцах бельгийцев и французов, а также на их землях не нашлось достаточно места для устройства немецких военных кладбищ. Британцам выделили постоянные места для захоронения, которые в 20-х годах прошлого столетия превратились в череду необыкновенно красивых, утопающих в зелени кладбищ вдоль всей линии Западного фронта, тогда как немцев обязали устроить братские могилы в глухих местах, где покоятся останки их убитых солдат. Только в Восточной Пруссии в легендарном местечке Танненберг им удалось построить мемориал в честь павших. Дóма, вдали от тех мест, где погибли молодые солдаты, скорбь по ним увековечивают памятники в соборах, обычно выполненные в строгом готическом стиле и зачастую с использованием сюжетов из «Распятия» Матиаса Грюневальда и «Мертвого Христа в гробу» Ганса Гольбейна Младшего⁴.

Христос у Грюневальда и Гольбейна перед смертью страдал, истекая кровью, и рядом с ним не было ни родственника, ни друга. Этот образ очень точно символизировал простых

³ «Пуало» (букв. «волосатый»), употреблялось в значении «храбрец», «бравый») – прозвище французских солдат во время Первой мировой войны. *Примеч. ред.*

⁴ См.: *Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning. Cambridge, 1995. P. 92, 93.*

немецких солдат Первой мировой войны. Число павших на поле боя и похороненных в неизвестных местах было так велико, что один священник англиканской церкви, служивший во время войны армейским капелланом, высказал мысль, что наиболее подходящей данью памяти погибшим будет торжественное захоронение останков Неизвестного Солдата, могила которого станет мемориалом. Предложение было принято, останки Неизвестного Солдата привезли в Вестминстерское аббатство и 11 ноября 1920 года захоронили у входа под плитой с надписью: «Похоронен в усыпальнице королей, ибо заслужил эту честь своей любовью к Господу и отчизне». В тот же день, во вторую годовщину перемирия 1918 года, французский неизвестный солдат был похоронен в Париже под Триумфальной аркой, а впоследствии подобные могилы появились во многих столицах стран-победительниц⁵. Однако когда в 1924 году побежденные немцы попытались создать свой мемориал павшим, известие об этом вызвало волну политических протестов. Рейхспрезидент Фридрих Эберт, потерявший на войне двух сыновей, произнес речь в защиту этой инициативы и предложил почтить память павших минутой молчания, однако тишину нарушили выкрики, как милитаристские, так и антивоенные, и за всем этим последовали волнения, не утихавшие целый день⁶. Мучительное наследие проигранной войны продолжало раскалывать Германию – до самого прихода к власти Гитлера девять лет спустя. Вскоре после того, как он стал канцлером Германии, нацисты начали называть Гитлера живым воплощением Неизвестного Солдата, которому Веймарская республика не смогла оказать должные почести. Вскоре после этого и сам фюрер стал в своих речах называть себя неизвестным солдатом мировой войны. Семена, брошенные им в землю Германии, дадут кровавые всходы – во время Второй мировой войны погибнут миллионы немцев⁷. Ненависть посеять легко, а выпалывается она плохо...

Итак, Первая мировая. К концу 1914 года, через четыре месяца после ее начала, 300 000 французов были убиты и 600 000 ранены. Мужское население страны в то время составляло 20 000 000 человек, половина из них была призывного возраста. К концу войны погибло почти 2 000 000 французов, в основном служивших в пехоте, которая была главным родом войск и потеряла 22 % списочного состава. Самые тяжелые потери понесли младшие возрастные группы: от 27 до 30 % призывников 1912–1915 годов. Многие из этих молодых людей еще не успели создать семьи... Тем не менее в 1918 году во Франции насчитывалось 630 000 вдов погибших солдат, а огромное число французенок война лишила шанса выйти замуж. В 1921-м на 45 французских мужчин в возрасте от 20 до 39 лет приходилось 55 женщин. Из 5 000 000 раненных на войне несколько сотен тысяч получили тяжелые увечья – лишились рук, ног или зрения. Большие страдания выпали на долю тех, у кого было изувечено лицо; некоторые оказались обезображены настолько, что предпочли жить в специально построенных для инвалидов закрытых поселках⁸.

В Германии военное поколение понесло не меньшие потери. Численность возрастных групп 1892–1895 годов рождения, мужчин, которым к моменту начала войны было от 19 до 22 лет, сократилась на 35–37 %. В целом из 16 000 000 человек, родившихся в период с 1870 по 1899-й, погибло 13 %, примерно по 465 600 в каждый год войны. Самые большие потери, как и в других армиях, понес офицерский корпус – 23 % убитых (25 % кадровых офицеров) против 14 % рядовых и младших командиров. Среди немецких инвалидов 44 657 лишились ноги, 20 877 – руки, 1264 – обеих ног и 136 – обеих рук. 2547 человек ослепли – малая доля полу-

---

⁵ См.: *Ward G., Gibson E. Courage Remembered. London, 1989. P. 89, 90.*

⁶ См.: *Whalen R. Bitter Wounds: German Victims of the Great War, 1914–1939. Ithaca and London: Cornell University Press, 1984. P. 33.*

⁷ См.: *Ackermann V. La vision allemande du soldat inconnu // J.-J. Becker et al. Guerres et cultures, 1914–1918. Paris, 1994. P. 390, 391.*

⁸ См.: *Thébaud F. La guerre et le deuil chez les femmes françaises // Becker. Guerres. P. 114, 115.*

чивших ранение в голову, которое, как правило, оказывалось смертельным. Всего Германия потеряла 2 057 000 человек убитыми или впоследствии умершими от ран⁹.

Несмотря на огромные потери – в России и Турции точных данных о них нет, – Германию нельзя назвать самой пострадавшей страной, если рассматривать число погибших в процентном отношении ко всему населению. Такой страной стала Сербия... Из 5 000 000 человек, проживавших в ней до войны, 125 000 были убиты или умерли от ран на фронте, а еще 650 000 гражданских лиц скончались от болезней и вследствие лишений – 15 % населения. В Британии, Франции и Германии потери составили от 2 до 3 %¹⁰.

Даже эти небольшие доли стали причиной сильнейшей психологической травмы, поскольку пришлось на самую молодую и активную часть мужского населения. По мере того как та война уходит дальше в прошлое, все чаще в разном контексте можно услышать разговоры о том, что «потерянное поколение» – всего лишь миф, созданный романистами. По подсчетам равнодушных демографов, потери могли быть быстро возмещены естественным приростом населения, а бесстрастные историки утверждают, что утрату близких пришлось пережить лишь небольшой части семей. В худшем случае, заявляют они, не вернулись с фронта только 20 %, а в среднем эта доля была меньше 10 %. Для большинства же война оказалась просто перерывом в нормальной жизни, к которой общество вернулось, как только смолкли пушки.

Это не просто поверхностные суждения. Конечно, по сравнению с войной 1939–1945 годов Первая мировая была не такой уж трагичной и разрушительной. И материального ущерба она нанесла меньше. Не был разрушен и серьезно не пострадал ни один из крупных европейских городов, тогда как во время Второй мировой войны бомбардировкам подвергались все немецкие города. Бои на Восточном и на Западном фронте проходили в сельской местности. Поля сражений скоро снова превратились в посевы пшеницы или пастбища, а разрушенные снарядами деревни – за исключением тех, что находились в окрестностях Вердена, – отстроили заново. Война не обернулась серьезным ущербом культурному наследию Европы, который было бы очень трудно компенсировать: средневековая Палата суконщиков в Ипре сегодня стоит точно так же, как до обстрелов 1914–1918 годов, как и городские площади Арраса и кафедральный собор в Руане, а сокровища Лёвена, сожженные в 1914-м в результате нехарактерного для той войны акта вандализма, потом тщательно и бережно восстановили.

Кроме того, во время Первой мировой войны гражданское население не подвергалось намеренному уничтожению и жестокому обращению, что было характерно для Второй мировой. За исключением Сербии и в самом конце войны Бельгии, жителей не изгоняли из домов, не лишали земли и мирных профессий. Геноциду подверглись лишь армяне в Турции, и, какими бы ужасными ни были действия турецких властей, причиной их стала скорее внутренняя политика Османской империи, чем сама война. Во время Первой мировой, в отличие от Второй мировой войны, не было перемещений населения, намеренно вызванного голода, экспроприаций, почти не происходило массовых репрессий и казней. Война, несмотря на попытки государственных пропагандистских машин доказать обратное и несмотря на ужасы на полях сражений, была до странности цивилизованной.

Тем не менее она нанесла ущерб цивилизации – рациональной и либеральной цивилизации европейского Просвещения, причем невозполнимый, и, как следствие, всей мировой культуре. Довоенная Европа, хотя она и была империей по отношению к большей части остального мира за пределами континента, проявляла уважение к таким принципам, как конституционализм, верховенство закона и представительное правление. В послевоенной Европе положение изменилось. От этих принципов полностью отказались в России после 1917 года, в Италии

---

⁹ См.: Whalen. P. 41.

¹⁰ См.: Jelavich B. History of the Balkans, 2. Cambridge, 1985. P. 121.

после 1922-го, в Германии после 1933-го, в Испании после 1936-го, и их лишь частично придерживались в молодых государствах Центральной и Южной Европы, созданных или увеличивших свою территорию в результате послевоенного пересмотра границ. Через 15 лет после окончания войны почти везде поднял голову тоталитаризм – новый термин для системы, которая отвергала либерализм и конституционализм, вдохновлявшие европейских политиков с начала упадка монархий на рубеже XVIII–XIX веков. Тоталитаризм – это политическое продолжение войны, но другими методами. Он объединял и милитаризировал массы своих граждан, одновременно ограничивая их электоральные права, возбуждая низменные политические инстинкты, маргинализируя и запугивая внутреннюю оппозицию. Меньше чем через 20 лет после того, как смолкли орудия Первой мировой войны – войны, которая должна была закончиться с военными конфликтами, как характеризовали ее те, кто почти утратил надежду на ее окончание, Европа снова была объята страхом новой кровавой бойни, провоцируемой амбициями и действиями новых воинственных политиков, гораздо более агрессивных, чем те, кто был рожден долгим мирным периодом XIX столетия. Кроме того, полным ходом шло переоснащение армий тем оружием – танками, самолетами, подводными лодками, – которое во время Первой мировой существовало лишь в зачаточном состоянии и теперь угрожало превратить следующую войну в катастрофу еще большего масштаба.

Таким образом, Вторая мировая война, начавшаяся в 1939-м, вне всяких сомнений, была результатом войны 1914–1918 годов и в значительной степени ее продолжением. Обстоятельства Великой войны, как называли Первую мировую до середины 50-х годов XX века, – неудовлетворенность немецкоязычных стран своим положением среди других государств континента – остались теми же, как и ее непосредственные причины. Это конфликт немецкоязычного правителя со славянским соседом. Даже люди остались те же, хотя и занимали теперь другие должности. Морис Гюстав Гамелен, главнокомандующий французской армией в 1939-м, служил в штабе Жозефа Фоша, командующего союзными войсками во время Первой мировой. Уинстон Черчилль, в 1939-м – первый лорд Адмиралтейства, занимал этот же пост в 1914 году. Адольф Гитлер, «первый солдат Третьего рейха», в августе 1914-го был в числе первых же добровольцев кайзера Вильгельма II. Не изменилась и география сражений. Берега реки Мёз (Маас) были ареной боев в обеих войнах, но в мае 1940-го немецкие дивизии форсировали ее с удивительной легкостью, а в 1914–1918 годах в окрестностях Вердена она стала для них непреодолимой преградой. Аррас, бывший для Британского экспедиционного корпуса центром окопной войны на Западном фронте, оказался местом единственного успешного контрнаступления британской армии в 1940-м. Небольшая речка Бзура к западу от Варшавы стала очень важным рубежом для операций на Восточном фронте как в 1939 году, так и в 1915-м. Многие из тех, кто ушел на фронт в 1939-м, маршировали в походном строю в 1914-м – более молодые и еще не выслужившие чинов, уверенные, что с победой вернутся домой до листопада. Однако те, кому посчастливилось остаться в живых, видели и разницу. В 1939 году все жили в ожидании войны, а ее угроза была реальной. В 1914-м, наоборот, война разразилась совершенно неожиданно, и люди, выросшие в уверенности, что кровопролитие больше никогда не затронет их континент, не были к ней готовы.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГАРМОНИЯ

Летом 1914 года процветающая Европа наслаждалась миром и покоем. И то и другое до такой степени зависело от международных связей и сотрудничества, что возможность войны на континенте никому просто не приходила в голову. В 1910-м в свет вышла книга «Великая иллюзия» и сразу стала чрезвычайно популярной. Ее автор Норман Энджелл, будущий лауреат Нобелевской премии мира (1933), проанализировав экономическую взаимозависимость государств, к удовлетворению почти всех образованных людей, показал, что война неизбежно

приведет к разрушению системы международных займов, вследствие чего она либо вообще не начнется, либо быстро закончится. Европейские промышленники и коммерсанты отнеслись к этому выводу благосклонно. После 20-летней депрессии, вызванной крахом Национального банка Австрии в 1873 году и поддерживаемой падением цен как на сырье, так и практически на все товары, в последние годы XIX века промышленное производство снова начало расти. Появились особые категории товаров – электротехника, химические красители, средства передвижения с двигателем внутреннего сгорания, привлекавшие покупателей. Были найдены источники сырья с низкой стоимостью добычи. Систему кредитования также поддерживали новые месторождения драгоценных металлов, прежде всего в Южной Африке. Рост численности населения – за период с 1880 по 1910 год на 35 % в Австро-Венгрии, на 43 % в Германии, на 26 % в Британии, более чем на 50 % в России – резко расширил международные рынки. Эмиграция (из Европы в Америку и Австралию с 1880 по 1910 год уехало 26 000 000 человек) также привела к росту спроса на товары, а значительное расширение заморских владений империй, как официальных, так и неофициальных, в Африке и Азии вывело миллионы жителей этих территорий на международный рынок – они являлись и поставщиками сырья, и потребителями готовых изделий. Вторая революция на транспорте – в 1893 году общий тоннаж пароходов впервые превысил тоннаж парусных судов – значительно ускорила и расширила межконтинентальную торговлю, а рост сети железных дорог в Восточной Европе и Российской империи (в Западной Европе и Соединенных Штатах он практически закончился к 1870 году), где с 1893 по 1913-й их общая длина увеличилась с 31 000 до 71 000 километров, включил в мировую экономику огромный регион, богатый зерном, полезными ископаемыми, нефтью и лесом. Стоит ли удивляться, что в начале века банкиры вновь обрели уверенность и в первом десятилетии XX столетия обеспеченный золотом капитал свободно перемещался, в основном из Европы в Америку и Азию, в объемах до 350 000 000 фунтов в год, а доход от зарубежных инвестиций стал составлять существенную долю дохода частных лиц и компаний в Британии, Франции, Германии, Голландии и Бельгии? Экономика Бельгии, одной из самых маленьких стран Европы, в 1914 году была шестой в мире, и это стало результатом не только ранней индустриализации, но и беспрецедентной активности ее банков, торговых домов и промышленных предприятий.

Российские железные дороги, золотые рудники и алмазные копи Южной Африки, африканские и малазийские плантации гевеи – основного источника натурального каучука, скотоводство Южной Америки и Австралии, канадские поля пшеницы и практически все сектора экономики Соединенных Штатов, которая в 1913 году производила треть мировой промышленной продукции и уже вышла на первое место в мире, – все это требовало европейских капиталовложений. И Старый Свет не скупился на инвестиции. Большая их часть проходила через лондонский Сити. Несмотря на то что золотовалютные резервы Банка Англии были невелики – в 1890 году они составляли всего 24 000 000 фунтов (у Банка Франции их было 95 000 000, у Рейхсбанка 40 000 000, у Федерального резерва США 142 000 000), обширные связи частных банков и учетных домов – кредитных учреждений, занимающихся учетом векселей, выдачей краткосрочных кредитов, посредническими операциями между коммерческими банками и Центральным банком, страховых и транспортных компаний, а также деятельность валютных и товарных бирж тем не менее сделали английских банкиров главными посредниками при совершении сделок купли-продажи и кредитования для всех развитых стран. Их влияние питало уверенность, столь убедительно выраженную Энджеллом, что любое нарушение непрерывного, ежедневного уравнивания дебета и кредита непременно разрушит не только доверие к монетарному механизму, на который полагается цивилизация, но и саму эту цивилизацию.

17 января 1912 года в своем выступлении перед банкирами с докладом «Влияние банковской деятельности на международные отношения» Энджелл утверждал: «Коммерческая зависимость в банковском деле проявляется сильнее, чем в любой другой профессии или сфере

деятельности. Дело в том, что доход и кредитоспособность одного связаны с доходом и кредитоспособностью многих. Необходима уверенность в неукоснительном соблюдении взаимных обязательств, в противном случае начнут рушиться целые секции всего сооружения, и это со всей определенностью демонстрирует, что нравственность строится не на самопожертвовании, а на осознанной взаимной выгоде, на ясном и полном понимании всех тех нитей, которые связывают нас всех. И такое ясное понимание должно улучшить отношения не только между группами, но и между всеми людьми, привести к более эффективному сотрудничеству и более справедливому обществу»¹¹.

У. Р. Лоусон, бывший редактор *Financial Times*, после окончаний этой речи заметил: «Совершенно очевидно, что мистер Норман Энджелл завоевал симпатии почти всего собрания».

В первые годы XX века не только банкиры (кстати, многие из самых известных лондонских банкиров были немцами) считали взаимозависимость государств условием международных отношений – необходимым условием, значение которого должно было только расти. И понимали это не одни лишь банкиры. В основе данного понимания лежали практические соображения. Революция в средствах связи (железные дороги, телеграф и почтовая служба) требовала международного сотрудничества, чтобы обслуживать новые технологии и чиновничество индустрии путешествий и связи. В 1865 году был основан Международный телеграфный союз, а в 1875-м – Международный почтовый союз. В 1882 году прошла Международная конференция по технической унификации на железных дорогах – слишком поздно для стандартизации железнодорожной колеи в Западной и Восточной Европе, ведь в России уже проложили более широкую колею, что затруднило использование ее железных дорог захватчиками в 1914 году (и в 1941-м, конечно), но в мирное время просто мешало коммерческим перевозкам. В 1873-м начала работать Международная метеорологическая организация, предназначенная для обмена информацией об изменениях погоды, чрезвычайно важной для морского транспорта, а в 1906-м появился Международный радиотелеграфный союз, занимающийся распределением частот для нового средства связи – радио. Все это были правительственные организации, деятельность которых поддерживалась договором или уставом, подписанным странами-участницами. Одновременно торговый мир создавал собственные, столь же необходимые международные объединения. В 1890 году был организован Международный союз по изданию таможенных тарифов. В 1883-м подписана Конвенция по охране промышленной собственности, а 1895-м – Конвенция по охране литературной и художественной собственности. В 1913 году начал работу Комитет торговой статистики, а в 1905-м появился Институт сельского хозяйства, который собирал и публиковал статистику производства и продаж аграрной продукции. Отдельные отрасли и профессиональные союзы создавали собственные международные институты: в 1880 году был основан Международный союз торговых палат, в 1895-м – Международный союз страховщиков, в 1911-м – Ассоциация бухгалтеров, в 1906-м – Международная электротехническая комиссия, в 1897-м – Международный морской комитет, целью которого стала унификация норм морского права, в 1905-м прошла Балтийская и Беломорская морская конференция (для стандартизации морских перевозок). В 1875 году было организовано Международное бюро мер и весов, а первую Международную конвенцию об авторском праве подписали в 80-х годах XIX столетия. Без таких организаций не мог быть создан занимавший 1,5 квадратного километра лондонского Сити сектор покупок и продаж, страхования и дисконтирования, предоставления кредитов и займов.

Безусловно, международные связи не ограничивались одной коммерцией. Они охватывали науку, благотворительность и религию. После краха Римской империи в мире осталась единственная по-настоящему международная религиозная организация – католическая цер-

---

¹¹ Brock M. // Evans R. and von Strandmann H. *The Coming of the First World War*. Oxford, 1988. P. 169.

ковь с центром в Риме и многочисленными епархиями по всему свету. Тем не менее избранный в середине лета 1903 года папа Пий X был добровольным затворником в Ватикане, неприимимым врагом всех современных тенденций в богословии, который к либералам в рядах католиков относился с неменьшим подозрением, чем к протестантам. Среди последних тоже не наблюдалось единства – лютеране, кальвинисты, анабаптисты и представители независимых церквей самого разного толка о чем только не спорили. Как бы то ни было, представители некоторых конфессий сумели наладить сотрудничество хотя бы в миссионерской деятельности, в частности в 1865 году несколько протестантских церквей основали миссию в Китае. В 1910-м в Эдинбурге состоялась Всемирная миссионерская конференция, которая укрепила и расширила это движение. Чуть раньше, в 1907-м, в Токио возникло международное христианское студенческое движение. Самой Европы дух сотрудничества в этой сфере почти не коснулся. Единственным протестантским объединением на континенте был Евангелический союз, основанный в 1846 году для противодействия католицизму.

Таким образом, из-за доктринальных разногласий сотрудничество между христианами было бессистемным. Общая вера – в 1914 году подавляющее большинство населения Европы являлось христианами, как формально, так и по своим убеждениям, – помогала объединиться в рамках благотворительности. Одной из первых таких тем стала борьба с рабством, христианская по своей сути. В 1841 году Британия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия подписали соглашение о борьбе с рабством. Проводила эту политику Британия, военно-морской флот которой патрулировал побережье Западной Африки. Положения договора были расширены в 1899 году в Брюсселе – по иронии судьбы столице государства, в колонии которого Конго процветала жестокая работорговля. Тем не менее благодаря международному сотрудничеству к тому времени рабов через океан уже не переправляли. Общие усилия также требовались для противодействия торговле белыми рабами – женщинами и детьми, которых заставляли заниматься проституцией. В 1877 году в Женеве собрался Международный аболиционистский конгресс, за которым последовали две конференции – в 1899-м и 1901-м, а в 1910-м девять государств подписали конвенцию, устанавливающую за подобные действия уголовную ответственность.

Предметом озабоченности благотворительных организаций были также условия труда. В эпоху массовой эмиграции правительства не могли да и не стремились регулировать благополучие тех, кто хотел начать новую жизнь в далеких землях. И все-таки стремление ограничить длительность рабочего дня и запретить детский труд повлияло на законодательство многих европейских стран, а впоследствии превратилось в международную тенденцию. К 1914 году многие государства Европы заключили между собой двусторонние договоры, защищающие права рабочих на социальное страхование и компенсации, ограничивающие женский и детский труд. Большая часть соглашений была направлена на защиту рабочей силы из числа мигрантов в приграничных районах. Типичное соглашение такого рода – договор 1904 года между Францией и Италией, гарантирующий одинаковые условия страхования и защиту прав гражданам обоих государств. Такие договоры стали реакцией властей на деятельность международных рабочих движений, особенно Первого интернационала, основанного в 1864-м в Лондоне при участии Карла Маркса, и Второго интернационала (1889, Париж). Именно их призывы к социальной революции заставляли правительства – в первую очередь правительство Бисмарка в Германии после 1871 года – принять трудовое законодательство как меру самозащиты.

Предметом международных соглашений стали и другие, уже существовавшие меры защиты населения, например от инфекционных болезней. Как правило, это был карантин для торговых судов дальнего плавания и для иммигрантов с Ближнего Востока, которые считались главным источником эпидемий в Европе. Торговлю алкоголем и наркотиками тоже пытались поставить под международный контроль. В 1912 году в Гааге представители 12 стран собрались на конференцию, на которой была подписана многосторонняя Международная конвенция по

опиуму. Всех поставленных целей конференция не достигла, но стала свидетельством растущего стремления правительств к совместным действиям. Такие действия позволили им справиться с пиратством. Также были заключены соглашения о взаимной выдаче преступников, за исключением тех случаев, когда обвинения могли быть признаны политическими. Страны, имевшие либеральные правительства, отказывались поддерживать тиранические режимы – несмотря на общее согласие с принципом абсолютного суверенитета. Впрочем, невмешательство во внутренние дела государств ограничивалось лишь христианским миром. Политика Османской империи по отношению к национальным меньшинствам привела к международной интервенции в Грецию в 1827 году и в Ливан в 1860-м. Попустительство китайских властей во время осады посольств в Пекине в период Восстания боксеров в 1900 году стало причиной широкомасштабной спасательной экспедиции международных сил, в которой участвовали британские военные моряки, русские казаки, французская колониальная пехота, итальянские берсальеры, подразделения немецкой и австро-венгерской армий, а также японская гвардия и морские пехотинцы США. Напомним, что исторически последние служили на военных кораблях, поддерживали команду в бою, осуществляли малые рейды на береговой полосе, охраняли офицеров от возможных бунтов матросов, несли охрану портов и военно-морских баз.

Спасательная операция оказалась успешной, продемонстрировав, что Европа способна на совместные действия, если захочет. И конечно, у нее была общность мыслей и чувств. Образованные классы стран Старого Света отличались и общностью культуры, в равной степени восхищаясь живописью великих итальянцев и фламандцев, музыкой Моцарта и Бетховена, великой оперой, средневековой архитектурой и возрожденным классицизмом, а также европейской литературой, как современной, так и недавнего прошлого. Данте, Шекспир, Гете, Мольер, Мандзони, Гюго, Бальзак, Золя, Диккенс – всех их знал, хотя бы по именам, каждый европейский старшеклассник (в качестве иностранных языков школьники обычно изучали французский, немецкий и итальянский). Недовольство засильем в старших классах школы латыни и греческого росло, но книги Гомера, Тацита, Цезаря и Ливия входили в обязательную программу, а знакомство с классическими произведениями было повсеместным. Изучение трудов Аристотеля и Платона способствовало – несмотря на неразбериху идей, которую вызывали в XIX веке Гегель и Ницше, – общности философии. Фундамент классического образования, возможно, был даже более прочным, чем христианский. Выпускники европейских университетов не только получали похожее образование, но и приобретали схожие взгляды, и, хотя они составляли незначительное меньшинство населения, общность этих взглядов отражала то, что можно было безошибочно назвать единой европейской культурой.

Постепенно становился популярным культурный туризм. Простые люди путешествовали мало. Моряки, пастухи, перегонявшие стада через границы в горах между зимними и летними пастбищами, сельскохозяйственные рабочие-мигранты, повара и официанты, гастролирующие музыканты, бродячие торговцы, ремесленники, агенты иностранных компаний – эти люди были единственными чужаками, которых коренное население Европы встречало до 1914 года. Богатые путешественники являлись исключением. В XVIII столетии дальние поездки были развлечением для богатых. К началу XX века это удовольствие стало доступным для среднего класса благодаря повсеместному развитию сети железных дорог и гостиничной отрасли – первое способствовало второму. Важным источником информации для путешественников за границей были путеводители Карла Бедекера. В 1900 году вышло тринадцатое издание путеводителя по Риму, девятое по Восточным Альпам и седьмое по Скандинавии. Для большинства туризм стал предсказуемым и лишенным приключений. Самыми посещаемыми местами были Рим, Венеция и Флоренция, Париж и замки на Рейне. Кроме этого, люди ежегодно ездили на курорты Центральной Европы, такие как Карлсбад и Мариенбад, на Французскую и Итальянскую Ривьеру, а также в Альпы. Некоторые путешественники рисковали забираться еще дальше. Выпускники Кембриджа и Оксфорда и их наставники заложили европейскую тради-

цию XX века – путешествие в Грецию. «Бедекер» – имя основоположника современного путеводителя стало его синонимом – по Австрии включал и Боснию, и в нем был раздел, посвященный Сараеву: «...многочисленные минареты и маленькие домики в окружении садов придают городу чрезвычайно живописный вид... Улицы по берегам реки населяют в основном иммигранты из Австрии, тогда как турки и сербы строят дома на склонах холмов... Сад резиденции австрийского коменданта под названием Конак открыт для всех желающих»¹².

Летом 1914 года самым высокопоставленным гостем Сараева должен был стать эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник престола Австро-Венгрии. В данном случае он путешествовал по своей стране, однако члены королевских домов Европы часто отправлялись в заграничные поездки и их личное знакомство служило укреплению связей между странами. Интернациональные браки были редкостью даже среди высших слоев европейского общества, однако в правящих династиях такие альянсы оставались инструментом международных отношений. Дети королевы Виктории состояли в браке с представителями большинства царствующих домов континента протестантского вероисповедания, а ее внучке Виктории Евгении, ставшей королевой Испании, пришлось перейти в другую конфессию. Внуки «бабушки всей Европы» в 1914 году занимали троны Великобритании и Германии, а к семье ее невестки, Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургам из Дании, принадлежали русская императрица, король Греции и король Норвегии. Утверждение, что европейские монархи приходились друг другу кузенами, можно считать справедливым. Даже австрийские Габсбурги, самые надменные из суверенов, иногда разбавляли свою кровь чужой, и, поскольку все государства Европы, за исключением Франции и Швейцарии, были монархиями, связи между ними стали обширными и прочными. Родственные связи дополнялись символическими. Немецкий кайзер был полковником 1-го драгунского полка Великобритании и адмиралом Королевского флота, а его кузен, король Георг V, полковником прусского 1-го гвардейского драгунского полка. Австрийский император являлся полковником британского гвардейского драгунского полка, а среди почетных полковников подразделений австрийской армии числились короли Швеции, Бельгии, Италии, Испании, Баварии, Вюртемберга, Саксонии, Черногории, а также русский император.

Безусловно, в международных отношениях символические связи нельзя было считать твердой валютой – не больше чем родственные отношения или брачные узы. Европа XIX века не выработала надежных инструментов международного сотрудничества и дипломатического посредничества. Священный союз, это невольное детище Наполеона, постепенно зачах. Такая же судьба постигла антиреволюционный Союз трех императоров. Часто приходится слышать, что в 1914 году Европа была континентом откровенного национализма – и это соответствует действительности. Влияние католической церкви уже давно не распространялось на весь континент, а идея секулярного экуменизма умерла в 1804 году вместе со Священной Римской империей. Образовавшийся вакуум пытались заполнить системой международных законов. Эта концепция оставалась слабой, поскольку самым главным принципом международных отношений, закрепленным Вестфальским мирным договором 1648 года, был суверенитет государств, что, в сущности, позволяло каждой стране руководствоваться только собственными интересами. Единственная область, в которой европейские государства согласились ограничить свой эгоизм, находилась не на земле – в 1856 году в Париже ведущие европейские державы подписали договор, предписывающий соблюдать на море нейтралитет и запрещающий боевые действия. Защитить медицинский персонал и лиц, состоящих на их попечении, была призвана первая Женевская конвенция, подписанная в 1864-м. В 1968 году в Санкт-Петербурге подписали соглашение, ограничивающее разрушительную силу оружия. Женевская конвенция основывалась на общих гуманитарных принципах, тогда как Санкт-Петербургская декларация не запрещала разработку автоматического оружия и взрывчатых веществ большой силы.

---

¹² Baedeker K. Austria. Leipzig, 1900. P. 422–424.

Необычным и новым стало решение императора Николая II созвать в 1899 году международную конференцию, посвященную не только усилению ограничений, накладываемых на вооружение, но и учреждению международного суда для разрешения споров между государствами. Историки рассматривают призывы Николая II к другим державам в Гааге как признание военной слабости России. Циники той эпохи утверждали то же самое. Им вторили профессиональные враги России в Германии и Австрии, но люди доброй воли, которых было немало, думали иначе. У них нашло отклик предупреждение русского императора, что усиление гонки вооружений – увеличение численности армий, создание тяжелой артиллерии и более крупных военных кораблей – превращает вооруженный мир в непомерное бремя для всех государств и если такое положение сохранится, то приведет к той самой катастрофе, которую должно предотвратить. Отчасти именно благодаря изменению общественного мнения Гаагская конференция 1899 года пришла к согласию как по ограничению вооружений, в частности по запрету бомбардировок с воздуха, так и по созданию международного суда.

ЕВРОПЕЙСКИЕ АРМИИ

Недостаток международного суда заключался в том, что участие в нем должно было быть добровольным. «Самое главное, – писал американский делегат конференции, – что третейский суд... будет рассматриваться всеми странами как показатель искреннего желания способствовать миру [и] освободить народы от постоянного страха, что в любой момент может разразиться война»¹³. Немецкий делегат более реалистично заметил, что добровольный характер суда лишает его какого-либо способа воздействия, морального или иного, на любое государство. Немецкий делегат точнее, чем американский, оценивал ситуацию, сложившуюся в Европе на рубеже веков. Действительно, в обществе присутствовал абстрактный страх войны, однако он был неопределенным – просто ощущение, во что может вылиться современный военный конфликт. Но еще сильнее, особенно у политиков крупных стран, был страх последствий неспособности принять вызов самой войны. Каждая из держав – Британия, Франция, Германия, Россия, Австро-Венгрия – видела для себя определенные угрозы. Трем великим европейским империям, Германской, Австро-Венгерской и Российской, угрожало недовольство национальных меньшинств, особенно сильное в Австро-Венгрии, в которой главенствующее положение занимали немцы и венгры, уступавшие по численности славянскому населению. Во всех трех империях выдвигались требования расширения демократии (в России просто требование демократии), причем опасность усиливалась в тех случаях, когда призывы к свободам и национализм шли рука об руку. В Британии и Франции, где все мужское население обладало избирательными правами, проблемы демократии не существовало. На них давил имперский груз другого рода: управление обширными заморскими доминионами в Африке, Индии, на Аравийском полуострове, в Юго-Восточной Азии, в Америке и на Тихом океане было источником не только национальной гордости, но и агрессивной ревности их европейских соседей. Британия пребывала в уверенности, что русские рассчитывают на влияние в Индии, с которой соседствовали их среднеазиатские владения. Эта уверенность, вероятно, была ошибочной, но стойкой. Немцам очень не нравилось, что у них мало колоний, и они стремились расширить те немногие, которые приобрели в Африке и на Тихом океане, всегда готовые вступить в спор – особенно с Францией – за влияние в нескольких регионах мира, еще не попавших под власть Европы.

На континенте, где горстка держав управляла многочисленными подчиненными народами, а две из них – Британия и Франция – владели большей частью остального мира, всеобщая подозрительность и соперничество были неизбежны. Это соперничество в основном

---

¹³ Best G. *Humanity in Warfare*. London, 1980. P. 140.

провоцировала Германия, которая в 1900 году приняла решение (Закон о флоте) о строительстве военно-морского флота, способного противостоять Королевскому флоту Великобритании. Немецкий торговый флот был в мире вторым по величине, но британцы вполне справедливо решили рассматривать принятие Закона о флоте как необоснованную угрозу своему владычеству на море, длившемуся уже несколько столетий, и приняли ответные действия. К 1906 году стремление превзойти Германию в строительстве современных военных кораблей было самым важным и самым популярным элементом государственной политики Британии. Среди континентальных держав также наблюдалось сильнейшее соперничество в военной области. Ярким примером этого служит решение Франции, население которой составляло 40 000 000 человек, увеличить численность своей армии до уровня армии Германии – страны с населением 60 000 000. За короткое время решить эту задачу был призван так называемый Трехлетний закон 1913 года, продлевавший срок службы призывников. Соперничали между собой и другие страны, не в последнюю очередь Британия и Франция – в 1900-м они были союзницами в противостоянии Германии, но вступили в конфликт из-за колоний в Африке.

Общей чертой этих споров стало то, что для их разрешения не использовался процесс международного арбитража, предусмотренный решениями Гаагской конференции 1899 года. При возникновении угрозы конфликта – как это было во время первого (1905) и второго (1911) марокканских кризисов в отношениях Франции и Германии, вызванных стремлением последней ослабить французское влияние в Северной Африке, а также во время Первой (1912) и Второй (1913) Балканских войн, результаты которых не устроили Австрию, союзницу Германии, – великие державы не пытались использовать гаагские договоренности о международном арбитраже, а прибегали к традиционному методу, конкретным переговорам. В каждом случае удавалось добиться как минимум перемирия, но идея наднационального миротворчества, к которой указала путь Гаагская конференция, тогда так и не осуществилась.

И действительно, в первые годы XX века международная (это главным образом означало – европейская) политика определялась не поиском надежных способов предотвращения конфликтов, а привычным обеспечением безопасности посредством военного превосходства. Вылилось сие, как и предсказывал русский император в Гааге в 1899 году, в увеличение армий и флотов, создание более тяжелых орудий, возведение более мощных и обширных приграничных оборонительных сооружений. Впрочем, фортификация вышла из моды, поскольку военные стратеги тех лет были убеждены – по результатам успехов тяжелой артиллерии в противостоянии с кирпичом и цементом, например в Порт-Артуре во время Русско-японской войны 1904–1905 годов, – что пушки получили решающее преимущество. Сила, полагали они, переместилась от пассивной обороны к активному наступлению, что требовало быстрого перемещения на поле боя больших масс пехоты при поддержке мобильной полевой артиллерии. Не списывали со счетов и кавалерию, которая составляла значительную часть европейских армий. За несколько лет до 1914 года в немецкой армии было сформировано 13 подразделений конных егерей (*Jäger zu Pferde*). Французская, австрийская и русская армии также увеличили численность кавалерии. Тем не менее генералы прежде всего рассчитывали на большие массы пехоты, вооруженной новыми магазинными винтовками, владеющей приемами рукопашного боя и приученной к мысли о неизбежности серьезных потерь для достижения успеха¹⁴. Большое значение импровизированных фортификационных сооружений – траншей и земляных укреплений (их устройство занимало мало времени), которые защищали стрелков и которые способствовали такому урону атакующих во время Англо-бурской войны, а также в Маньчжурии во время Русско-японской войны и на укрепленной линии под Чаталджей во время Второй Балканской, – было отмечено, но проигнорировано. Европейские теоретики военного дела

---

¹⁴ См.: *Howard M. Men Against Fire // Paret P. Makers of Modern Strategy. New York, Princeton, 1986. P. 510–526.*

верили, что хорошо подготовленную и мотивированную пехоту не остановят никакие линии окопов.

Таким образом, к числу великих начинаний Европы в начале XX столетия можно отнести военное строительство. После решительных побед прусской армии, состоящей из призывников и резервистов, над австрийцами в 1866-м и над французами в 1870-м все ведущие европейские державы (за исключением Британии, окруженной морями и охраняемой самым сильным в мире флотом) признали необходимость военной подготовки мужчин еще в юношеском возрасте, после чего они до самой старости оставались в распоряжении государства в качестве резервистов. В результате должны были появиться огромные армии из проходящих службу и находящихся в запасе солдат. В немецкой армии, считавшейся образцом для остальных, призывник первые два года своей взрослой жизни проводил в мундире – в казарме под надзором офицеров, а главное, младших командиров, которые всегда были рядом. В течение пяти лет после окончания действительной службы военнообязанный должен был ежегодно возвращаться в резервное подразделение своего полка на военные сборы. Затем, вплоть до достижения 39 лет, он оставался приписанным к резерву второй очереди, или ландверу, а с 39 до 45 лет – к резерву третьей очереди, ландштурму. Похожие системы существовали во Франции, Австрии и России. В результате внутри гражданского общества Европы была создана и поддерживалась другая, скрытая от глаз военная структура, насчитывающая миллионы человек, которые уже держали в руках винтовку, маршировали строем, терпели ругань сержантов и научились выполнять приказы.

Под гражданской географией Европы также скрывалась вторая, военная география – ее основу составляли военные районы и округа. Франция, состоящая из 90 административных департаментов, созданных Первой республикой вместо старых королевских провинций – они имели приблизительно одинаковую территорию и были названы по местным рекам: Уаза, Сомма, Эна, Марна, Мёз (во время Первой мировой войны эти названия приобрели печальную славу), – была также поделена на 20 военных округов, и каждый из них включал четыре или пять департаментов. В мирное время в каждом департаменте располагался корпус регулярной армии, в случае войны становившийся центром формирования соответствующих дивизий резерва. XXI военный округ дислоцировался во Французской Северной Африке – колониальном владении, включавшем в себя Алжир, Тунис и Марокко. 42 дивизии регулярной армии численностью 600 000 человек в случае мобилизации дополнялись 25 резервными дивизиями и подразделениями вспомогательных резервных подразделений, в результате чего в военное время численность армии превышала бы 3 000 000 человек. От I военного округа (департаменты Нор и Па-де-Кале) до XVIII военного округа (Ланды и Пиренеи) военная география Франции повторяла гражданскую на всех уровнях. Подобная картина наблюдалась и в Германии, которая тоже была поделена на 21 военный округ, хотя бóльшая численность населения обеспечивала большее число призывников и подразделений резерва¹⁵. I военный округ в Восточной Пруссии в мирное время был местом дислокации 1-й и 2-й пехотных дивизий, а в военное – также 1-го резервного корпуса и нескольких дополнительных подразделений ландвера и ландштурма, предназначенных для защиты центральных регионов Пруссии от возможного нападения России. В самой России военная география напоминала немецкую. То же самое можно сказать и об Австро-Венгрии, где многоязычный калейдоскоп из эрцгерцогств, королевств, княжеств и маркизатов формировал самую пеструю армию Европы, в которой были венгерские гусары, тирольские стрелки и боснийские пехотинцы в фесках и шароварах – напоминание о бывших турецких властителях¹⁶.

---

¹⁵ См.: German, French and Russian military district maps // Times History of the War, I. London, 1914.

¹⁶ См.: Lucas J. Fighting Troops of the Austro-Hungarian Empire. New York, 1987. P. 84.

Несмотря на разнообразие внешнего вида подразделений европейских армий – французские алжирские стрелки в тюрбанах и вязаных жилетах, русские казаки в кафтанах и папахах и шотландские солдаты в килтах, пледах, со спорранами – отороченными мехом сумками, – их организация была схожей. Основной боевой единицей являлась дивизия. Порождение наполеоновской революции в военном деле, дивизия обычно состояла из 12 батальонов пехоты и 12 батарей артиллерии – всего 12 тысяч винтовок, 24 пулемета и 72 пушки. Ее атакующая сила была огромна. За одну минуту дивизия могла выпустить 120 000 пуль (и даже больше, если использовать все пулеметы) и 1000 снарядов. Такую огневую мощь не мог себе представить ни один военачальник в предшествующих войнах. В 1914 году в Европе насчитывалось более 200 дивизий, как полностью укомплектованных, готовых идти в бой, так и резервных. Теоретически их огневой мощи было достаточно, чтобы за несколько минут полностью уничтожить друг друга. Вера в силу наступления вполне оправданна – выигрывал тот, кто первым обрушивал на противника весь огонь, на который был способен.

При этом военные теоретики не осознавали, что огневая мощь эффективна только при условии своевременности и точности, а это требует надежной связи. Беспорядочный огонь – пустая трата сил. Его должны корректировать наблюдатели. Им же вменяется в обязанность сообщать о перемещении цели, сигнализировать об успехе, предотвращать неудачу, координировать действия пехоты с артиллерийской поддержкой. Для такой координации необходима связь – если не мгновенная, то с минимальной задержкой между наблюдением и реакцией на него. В начале XX века ничего из сложного оснащения европейских армий такую возможность не обеспечивало. Средствами связи в них в лучшем случае были телефон и телеграф, а в худшем – устные приказы. Но ведь телефон и телеграф зависят от непрочных проводов, которые будут рваться, как только начнутся боевые действия, поэтому в случае нарушения связи единственным вариантом управления оставались непосредственно переданные распоряжения и команды, то есть возвращение к задержкам и неопределенностям прежних войн.

Эту трудность могли преодолеть радиосвязь и беспроволочный телеграф, которые к тому времени уже были – но только теоретически, а не практически. Радиоприемники и радиопередатчики того времени, требовавшие слишком больших и тяжелых источников питания, могли использоваться лишь на военных кораблях. В полевых условиях средством управления боем они не были. Беспроводные средства связи не только не имели важного стратегического значения в разразившейся войне, но и не играли существенной тактической роли, даже в ее конце. Такая же картина наблюдалась и на море, поскольку флоты не смогли решить задачу обеспечения скрытности радиосвязи во время боевых действий и в непосредственной близости от противника¹⁷. Оглядываясь назад, можно сделать вывод, что пребывавшая в зачаточном состоянии система хотя и обещала повысить эффективность всех средств, доступных участникам боевых действий, но была несовершенна технически и поэтому не могла обеспечить успех.

Возможности современных коммуникаций не помогли тем, кто посвятил свою жизнь войне, но еще меньше они помогли людям, чья профессия обязывала сохранить мир. Трагедия дипломатического кризиса, предшествовавшего началу боевых действий в августе 1914 года, затем вылившихся в четырехлетнюю катастрофу Первой мировой войны, заключалась в том, что государственные деятели и дипломаты все больше и больше утрачивали контроль над событиями. Будучи достойными и способными людьми, сотрудники правительственных канцелярий и министерств иностранных дел великих держав во время июльского кризиса оказались ограничены в своих действиях письменными нотами, процедурой шифрования и телеграфными сообщениями. Похоже, у них не хватало воображения представить возможность телефона, который мог бы преодолеть недостатки связи. Потенциал радио – доступный, но

---

¹⁷ См.: Gordon A. *The Rules of the Game*. London, 1996. P. 354, 355.

не использовавшийся – они также не замечали. Диалог европейских стран напоминал разговор глухих и вел к уничтожению континента и его цивилизации.

Глава вторая

Планы ведения войны

Полководцы всегда планируют свои действия. У Александра Македонского имелся план вторжения в Персию, который состоял в том, чтобы заставить армию Дария принять бой, а затем убить самого царя или взять его в плен¹⁸. У Ганнибала был план Второй Пунической войны: уклониться от встречи с римским флотом в Средиземном море, переправив карфагенскую армию по короткому морскому пути в Испанию, пересечь Альпы – история о его слонах хорошо известна – и атаковать римские легионы на их родной земле. Филипп II планировал одержать победу в войне с Англией в 1588 году: привести Непобедимую армаду в Ла-Манш, погрузить на суда армию, которая сражалась в восставших нидерландских провинциях, и высадить ее в Кенте. План герцога Мальборо по спасению Голландии в 1704-м состоял в том, чтобы оттеснить французскую армию в низовья Рейна и дать ей бой, когда удаленность от пунктов снабжения ослабит ее. Наполеон Бонапарт строил планы на каждый год своих военных кампаний: в 1798-м начать военные действия против европейских противников в Египте, в 1800-м разгромить Австрию и Италию, в 1806-м совершить блицкриг в Пруссию, в 1808-м завоевать Испанию, а в 1812-м победить Россию. В 1861 году, в начале Гражданской войны в Соединенных Штатах, у северян было стратегическое решение – план «Анаконда» – по усмирению непокорного Юга путем блокады побережий и захвата территорий по линии реки Миссисипи. Даже у Наполеона III имелось нечто вроде стратегического плана в его неудачной войне против Пруссии в 1870 году: вторгнуться на юг Германии и побудить властителей этих земель выступить против Берлина¹⁹.

При этом все названные и многие другие планы составлялись на ходу, когда война была неминуема или уже шла. В 1870-м началась – хотя Наполеон III этого не понял – новая эра в стратегическом планировании. Теперь планы военных кампаний стали абстрактными – их составляли заранее и откладывали до тех пор, пока не представится случай претворить в жизнь. Разработка планов имела два отдельных, хотя и связанных друг с другом ключевых пункта. Первым было развитие сети железных дорог, начавшееся в 30-х годах XIX столетия. Генералы быстро поняли, что железнодорожное сообщение станет настоящей революцией в военном деле, ускорив перемещение и снабжение войск – раз в десять по сравнению с передвижением пешком и на лошадях. Почти так же быстро им стало ясно, что такие перемещения необходимо детально планировать. Любому дальнему походу и в прошлом предшествовала подготовка. Представление о том, что в древности и в Средние века армии отправлялись в неизвестность, не более чем романтическая иллюзия. Александр Великий либо вел своих солдат вдоль побережья на расстоянии не более 120 километров от флота с провиантом, либо высылал вперед лазутчиков, которые подкупали персидских чиновников, чтобы обеспечить войска продовольствием. Две трети необходимого для содержания армии Карл Великий получал от своих вассалов, на территории которых велась военная кампания²⁰. После неудачного начала Третьего крестового похода Ричард Львиное Сердце выбрал такой маршрут, который позволял поддерживать постоянную связь со своим флотом, обеспечивавшим его провиантом²¹. Тем не менее до появления железных дорог то, что сегодня мы называем логистикой, было ненадежным, хотя маневр не исключался, поскольку, например, убыль животных, которые поги-

---

¹⁸ См.: *Keegan J. The Mask of Command. London, 1987. P. 40, 42.*

¹⁹ См. особенно: *Parker G. Chapter 5 // Murray W., Knox M., Bernstein A. The Making of Strategy. Cambridge, 1994.*

²⁰ См.: *Contamine P. War in the Middle Ages. Oxford, 1984. P. 26.*

²¹ См.: *Thompson J. The Lifeblood of war. London, 1991. Chapter 2.*

бали от чрезмерных нагрузок или были съедены, восполнялась покупкой либо реквизицией. Для железнодорожного снабжения эти способы не годились. Паровоз нельзя было позаимствовать на ферме, а неразбериха с подвижным составом во время Франко-прусской войны, когда пустые вагоны, скопившиеся на товарных станциях, мешали прибытию полных и последние растянулись на многие километры, преподала французской армии урок, который она уже не забывала²². В военное время для железных дорог требовалось расписание – еще более строгое, чем в мирное. В этом убедились военачальники XIX века, поскольку мобилизация требовала, чтобы железные дороги, предназначенные для нагрузки в несколько тысяч пассажиров в месяц, перевозили миллионы человек за несколько дней. Таким образом, составление графиков железнодорожного движения становилось жизненно важной задачей и решать ее нужно было в мирное время.

Для этого требовались специалисты. К удовлетворению военных, соответствующие учебные заведения уже существовали – это были штабные училища. И второй опорный пункт для разработки стратегических планов реализовывался в их аудиториях. Штабные училища, подобно техническим и коммерческим, возникли в XIX столетии. Подчиненные Наполеона учились военному делу у старших товарищей, а также на собственном опыте. Их искусство на полях сражений убедило противника в необходимости систематизации боевого опыта. В 1810 году в Пруссии была основана – в тот же день, что и Берлинский университет, – военная академия, задачей которой стала подготовка штабных офицеров²³. В самой Пруссии и в других странах уже существовали подобные заведения, но штабная работа, которой в них обучали, истолковывалась узко: делопроизводство, картография, составление сводок. Выпускники таких учебных заведений занимали низшие должности. Даже в 1854 году, через 55 лет после появления в Британии первого штабного училища, генералы британской армии, направлявшейся в Крым, выбирали себе начальников штабов дедовским способом – из числа друзей и знакомых²⁴. В Пруссии к тому времени под влиянием чрезвычайно одаренного военного стратега и тактика Гельмута фон Мольтке штабное училище стало превращаться в настоящее учебное заведение по подготовке высших штабных офицеров. Курсантам прививали мышление военачальников и организовывали для них приближенные к реальности военные игры. Они изучали конкретную обстановку на местности во время «выездов в войска» и предлагали «решения» стратегических задач, стоявших перед государством (!). После блистательных побед Пруссии над Австрией в 1866-м и над Францией в 1870-м штабные учебные заведения в этих и других странах поспешно модернизировались – или создавались новые, усовершенствованные, такие как Высшая военная школа Франции (1880), Центр высших военных знаний в Париже (1908), так называемая школа маршалов²⁵. Методы обучения, включавшие военные игры и выезды офицеров штаба в войска, копировали прусские. Немецкие учебники перевели на французский язык. В процессе обучения анализировалась новейшая военная история, а лучшие выпускники, которые получали назначение на высшие штабные должности армий – конкуренция была жесткая! – должны были составлять планы мобилизации и железнодорожные расписания для развертывания войск, разрабатывать ответы на любые возможные угрозы национальной безопасности. Как это ни странно, в мире дипломатии подобных учебных заведений не было. Еще в XVIII веке в Оксфорде появилась кафедра современной истории, которая готовила будущих дипломатов, однако в 1914 году британское Министерство иностранных дел по-прежнему набирало многих сотрудников из числа молодых людей, отцы которых дружили с послами.

---

²² См.: *Howard M.* The Franco-Prussian war. London, 1981. P. 26, 27.

²³ См.: *Hittle J.* The Military Staff. Harrisburg, 1961. Chapter 2.

²⁴ См.: *Hibbert C.* The Destruction of Lord Raglan. London, 1984. P. 15, 16.

²⁵ См.: *Porch D.* The March to the Marne. Cambridge, 1981. P. 331.

Таким образом, дипломатия оставалась искусством, которому обучали в посольствах. В ней культивировались широта и благородство взглядов. До 1914 года европейские дипломаты были единственным по-настоящему интернациональным классом. Все они знали друг друга, а общим языком у них был французский. Каждый защищал интересы своей страны, но тем не менее все полагали, что задача у них общая – предотвратить войну.

Послы Франции, России, Германии, Австрии и Италии, которые под председательством сэра Эдварда Грея сумели урегулировать Балканский кризис 1913 года, отстаивали свои национальные интересы, зачастую противоречивые и взаимно опасные. В то же время они были абсолютно уверены в неподкупности и порядочности друг друга, придерживались одинаковых взглядов на свою профессию и прежде всего стремились избежать большого конфликта. Дипломаты старой школы не виноваты... в том, что Европа была уничтожена Первой мировой войной... События направлялись совсем другими, не имеющими отношения к дипломатии силами и интересами»²⁶.

Так писал Гарольд Николсон, сын дипломата и сам дипломат старой школы. Среди не связанных с дипломатией интересов, на которые он намекает, не последнее место занимали интересы профессиональных военных. Они стремились развязать войну не более, чем дипломаты, но мыслили иначе: как в случае международного кризиса получить военное преимущество, а не как этот кризис разрешить. Их взгляды определялись программой штабного училища, которая, в свою очередь, была обусловлена необходимостью мобилизации, сосредоточения и развертывания войск в соответствии с возможностями железных дорог. И хотя историк А. Дж. П. Тейлор явно ошибался, когда легкомысленно характеризовал начало боевых действий в 1914 году как войну по железнодорожному расписанию, поскольку государственные деятели могли предотвратить ее в любой момент, если бы захотели это сделать и проигнорировали советы профессиональных военных, тем не менее в более глубоком смысле эта характеристика была точной. Из-за того что именно расписания сыграли такую важную роль в победе Пруссии над Францией в 1870-м, их составление неизбежно стало доминировать в европейской военной мысли. Точкой отсчета стал день мобилизации, М-Таг, как называли его немцы. Далее жесткий график определял, сколько войск может быть перемещено к той или иной приграничной зоне и с какой скоростью, какое количество припасов нужно им доставить и какой ширины будет фронт, где к определенному сроку можно развернуть противостоящие врагу войска. Одновременно рассчитывались возможности противника. Таким образом, первоначальные планы ведения войны основывались на строгих математических выкладках, которые штабные офицеры предъявляли государственным деятелям. Жозеф Жак Сезер Жоффер, начальник французского Генерального штаба в июле 1914 года, считал, что выполнил свою задачу, предупредив военного министра, что каждый день промедления при объявлении всеобщей мобилизации неизбежно приведет к потере 25 километров территории страны. Заимствованный метеорологами термин «фронт», который описывает движение областей высокого и низкого давления, берет начало в стратегии Первой мировой войны и позволяет глубже понять военное мышление в период непосредственно перед ее началом²⁷.

К началу XX века все европейские армии имели разработанные планы войны, в большинстве случаев примечательные своей негибкостью. В то, что сегодня называют политикой национальной безопасности, не был интегрирован ни один из них... Систему национальной безопасности разрабатывают политики, дипломаты, главы разведывательных служб – она при-

---

²⁶ *Nicolson H. The Evolution of Diplomatic Method. London, 1954. P. 75.*

²⁷ *См.: Kern S. The Culture of Time and Space. Cambridge, Mass., 1983. P. 270–273.*

звана защитить жизненно важные интересы страны, а в то время сие было невозможно. Военные планы являлись совершенно секретными, и знали о них лишь те, кто их непосредственно составлял. В мирное время эти планы не сообщались не только гражданским главам правительств, но зачастую и руководителям других ведомств²⁸. В 1915 году, например, командующий итальянским флотом узнал о решении объявить войну Австрии в день, когда об этом стало известно официально, а глава австрийского Генерального штаба, ни во что не ставивший министра иностранных дел, не информировал его о взглядах военных на возможность вступления в войну России²⁹. Только в Великобритании, где в 1902-м был создан Комитет обороны империи, состоявший из политиков, государственных служащих, дипломатов, а также военачальников и руководителей разведки, военные планы обсуждались открыто, однако в комитете занимались в основном делами армии, поскольку командование военно-морских сил Великобритании, считавшее себя наследником адмирала Нельсона, имело собственный план победы в войне, нечто вроде второго Трафальгарского сражения, и поэтому смотрело на обсуждения в комитете свысока³⁰. В Германии адмиралы тоже получали крохи информации. Кайзер и высшие военачальники вообще к 1889 году сумели отстранить от формирования политики в области обороны и Военное министерство, и парламент – военным планированием занимался исключительно Генеральный штаб. Даже премьер-министру Теобальду фон Бетман-Гольвегу подробности плана войны не раскрывали вплоть до 1912 года, хотя он разрабатывался с 1905-го.

Как бы то ни было, этот план – он по имени автора назывался планом Шлифена – был самым важным правительственным документом из всех написанных в какой-либо стране в первое десятилетие XX века. Можно даже утверждать, что это был главный официальный документ столетия, поскольку последствия того, что произошло на полях сражений, а также пробужденных им и не сбывшихся надежд ощущаются и сегодня. Безусловно, влияние написанных на бумаге планов на разворачивающиеся события не следует преувеличивать. Результат определяют не планы. Приведенные в исполнение, они редко реализуются в точности – последующие события по природе своей непредсказуемы и превосходят самые смелые ожидания кабинетных стратегов. Именно это и произошло с планом Шлифена. Он никоим образом не вверг Европу в пучину Первой мировой. Сама война стала результатом решений, принятых – и не принятых – многими людьми в июне и июле 1914 года, а не офицерами немецкого Генерального штаба или одним из них за много лет до этого. Точно так же неудача плана Шлифена, а он потерпел неудачу, не определила ход того, что происходило дальше. Это был план победы в быстрой войне. Долгая война, разразившаяся в Европе, могла быть предотвращена решением воюющих сторон прекратить боевые действия после первых безрезультатных столкновений. Тем не менее план Шлифена – выбором места для начала войны и тактикой немецкой армии на этом театре военных действий – определял, будучи введенным в действие, средоточие кризиса, а также предусматривал возможность политического расширения войны, а значит, и вероятность ее продления. В сам план была заложена опасная непредсказуемость – непредсказуемость быстрой победы, которую он должен был обеспечить, и еще бо́льшая непредсказуемость последствий, если поставленная цель не будет достигнута.

План Шлифена стал результатом кропотливой работы. Альфреда фон Шлифена назначили начальником немецкого Генерального штаба в 1891 году, и он сразу принялся обдумывать стратегию обеспечения безопасности страны в сложившейся политической обстановке. В наследство от предшественников, великого Мольтке и Вальдерзе, Шлифену достались планы, исходным пунктом которых было географическое положение Германии между Францией,

---

²⁸ См.: *Sullivan B. The Strategy of the Decisive Weight: Italy, 1882–1922 // Murray, Knox, Bernstein. P. 332.*

²⁹ См.: *Stone N. Moltke and Conrad, // P. Kennedy. The war Plans of the Great Powers. London, 1979. P. 234.*

³⁰ См.: *McDermot J. The Revolution in British Military Thinking from the Boer War to the Moroccan Crisis // Kennedy. P. 105.*

настроенной после поражения в войне 1870 года и потери Эльзаса и Лотарингии явно враждебно, и Россией, давней союзницей Франции. В худшем случае это сулило войну на два фронта. Мольтке и Вальдерзе исключали вероятность успеха в войне против Франции, защищенной чередой крепостей и потратившей значительные средства на модернизацию своих вооруженных сил, и поэтому полагали, что немецкой армии следует вести оборонительные бои на западе, используя Рейн в качестве естественной преграды для сдерживания французского наступления, а главные силы развернуть на востоке. Однако и там цель армии ограничивалась созданием оборонительного рубежа непосредственно по ту сторону российской границы. В 1879 году Мольтке писал, что для немцев не представляет интереса развивать успех за пределы принадлежавшего Российской империи Царства Польского и вторгаться во внутренние области России. Великий военный теоретик помнил катастрофу, которой закончился поход Наполеона на Москву³¹.

Шлифен, участник Австро-прусской войны 1866 года и Франко-прусской 1870–1871 годов, об этом тоже помнил. При этом Шлифен, получивший образование в созданной Мольтке системе подготовки штабных офицеров, воспринял даваемые ею знания, но не ее дух. Настаивавший на тщательном военном анализе, Мольтке всегда старался приспособить стратегические идеи к дипломатическому курсу страны. Они с Бисмарком, несмотря на политические разногласия, прислушивались к мнению друг друга. Шлифена внешняя политика не интересовала. Он был убежден в том, что все решает сила. Молодой немецкий кайзер – Вильгельм II вззошел на престол в 1888 году – выражал недовольство «перестраховочным» договором с Россией, который Бисмарк заключил в 1891-м и который обеспечивал нейтралитет Российской империи, если Германия нападет на Францию, а также нейтралитет Германии в случае нападения России на Австро-Венгрию, союзницу немцев, поэтому, после того как Шлифена назначили начальником Генерального штаба, ему была предоставлена полная свобода действий в реализации его идеи силы³². Шлифен действовал как шахматист, просчитывающий ходы. Фигур на доске у него было немного: Франция слабее Германии, но защищена крепостями; Россия слабее Германии, но за нее огромная территория; союзная Австрия слаба, но настроена враждебно по отношению к России, вследствие чего полезна в качестве отвлекающей силы или даже противовеса; Италия, союзница Германии и Австрии, крайне слаба, и ее можно не принимать во внимание; Британию тоже можно не учитывать... Здесь нужно пояснить, что Шлифена до такой степени не интересовала военно-морская мощь страны, что он и думать не думал о немецком флоте. А вот кайзер к нему все больше благоволил³³.

С учетом соотношения сил, а он учитывал только это, Шлифен в конце концов разработал план, предусматривавший, что в случае войны семь восьмых немецкой военной мощи будет использовано в решительном наступлении на Францию – это была рискованная ставка, и в случае неудачи немецкий монарх мог лишиться трона. Однако возможность неудачи Альфред фон Шлифен даже не рассматривал. Уже в августе 1892 года он решил, что основным удар должен быть нанесен на западе, а не на востоке, как планировали Мольтке и Вальдерзе. В 1894-м Шлифен предложил план уничтожения французских крепостей, построенных вдоль границы Германии и Франции. В 1897 году, признав, что немецкая тяжелая артиллерия не в состоянии разрушить оборонительные сооружения, он стал убеждать себя, что нарушение нейтралитета Бельгии и Люксембурга не должно стать препятствием для наступления. Другими словами, Шлифен хотел нейтрализовать французские крепости, обойдя их. Планы, составленные в период с 1899 по 1904 год и протестированные, как сказали бы сейчас, во время военных игр и штабных учений, предполагали наступление через Люксембург и южную часть

---

³¹ См.: *Turner L. The Significance of the Schlieffen Plan // Kennedy. P. 200.*

³² См.: *Taylor A. J.P. The Struggle for Mastery in Europe. Oxford, 1954. P. 317.*

³³ См.: *Ritter G. The Schlieffen Plan. London, 1958. P. 71.*

Бельгии силами, превышающими две трети всей немецкой армии. Наконец, в итоговом документе – меморандуме, законченном в декабре 1905 года, непосредственно перед тем, как уйти в отставку с поста начальника Генерального штаба, который он занимал 14 лет, – Шлифен отбросил осторожность. Нейтралитет Бельгии – его гаранты с 1839 года выступали Британия, Франция и Пруссия – должен быть не аккуратно «обойден», а просто сметен. Почти вся немецкая армия, развернутая в линию от швейцарской границы до Северного моря, перейдет в масштабное наступление, сначала через Бельгию, с правым флангом, проходящим к северу от Брюсселя, затем через равнины Фландрии, так чтобы на двадцать второй день после мобилизации подойти к границе Франции. На тридцать первый день линия немецких войск должна была проходить по рекам Сомма и Мёз, и с этой позиции правый фланг поворачивал на юг, охватывал Париж с запада и начинал теснить французскую армию к левому флангу, наступавшему из Эльзаса и Лотарингии. Таким образом французская армия попадала в огромные клещи глубиной 650 километров и с расстоянием между флангами больше 300 километров. Решительный натиск заставит французов принять генеральное сражение, которое они, конечно, проиграют. На сорок второй день с начала мобилизации война на западе будет победоносно завершена. Немецкую армию тут же по железной дороге перебросят через Германию на восток, где она нанесет сокрушительное поражение русским³⁴.

Альфред фон Шлифен продолжал совершенствовать свой план даже после ухода в отставку, вплоть до самой смерти в 1913 году. Другое занятие он просто не мог себе представить. Будучи начальником Генерального штаба, Шлифен зачастую работал до полуночи, а отдыхом для него служило чтение книг по военной истории дочерям. Военная история была второй страстью Шлифена – после разработки планов войны. До назначения на пост начальника Генерального штаба он несколько лет занимал там должность военного историка, однако историю войн всегда изучал с чисто технической точки зрения – их причины, как и последствия, Шлифена не интересовали³⁵. Образцовым сражением он считал битву при Каннах, в которой армия Ганнибала в 216 году до н. э. нанесла сокрушительное поражение превосходящим ее по численности римским войскам. Когда карфагенский центр прогнулся под ударом римлян, стоящие на флангах войска ударили по втянувшимся в глубь построения легионам, после чего пехота и конница Ганнибала окружили главные силы римлян. Именно этот тактический маневр, принесший победу, вдохновил Шлифена на составление своего плана. В сражении при Каннах немецкий стратег видел воплощение полководческого таланта вне зависимости от дипломатии, политики, психологии битвы и даже обеспечения тылов.

---

³⁴ См.: Ritter. P. 22–25, 27–48. Карты 1, 2, 3, 6.

³⁵ См.: Craig G. The Politics of the Prussian Army. New York, Princeton, 1955. P. 278, 279.

План Шлиффена

Альфред фон Шлиффен не всегда был штабным офицером – военную карьеру он начинал в уланском полку, но об этом, похоже, уже не помнил. В войнах 1866 и 1870-го он уже служил в штабе, в 1884-м стал военным историком, а после 1891 года свел работу над своим планом к чистой абстракции, командуя армиями на бумаге. Он занимал должность начальника Генерального штаба очень долго, и высокомерие, а также надменность и вера в собственную непогрешимость в расчетах, свойственные ему и до того, привели к тому, что Шлиффен свел войну – по крайней мере для себя – до выверенного раз и навсегда алгоритма. Ярким примером этого служит выдержка из его меморандума 1905 года:

По возможности немецкая армия должна выиграть сражение охватом правым флангом. Делать все следует максимально решительно. С этой целью восьми армейским корпусам и пяти кавалерийским дивизиям надлежит форсировать Мёз, используя пять переправ ниже Льежа, и наступать в направлении Брюсселя и Намюра. Девятый армейский корпус присоединится к ним, переправившись через Мёз выше Льежа, после того как возьмет крепость Гюи.

Шлиффен был одержим перемещением войск на картах, но не стремился к численному превосходству немецкой армии над противником. Как отмечает Хольгер Хервиг, начальник германского Генерального штаба разделял опасения прусского генералитета, что при увеличении численности в армии окажутся социалисты из больших городов, а сейчас она, слава богу, состоит из аполитичных деревенских парней³⁶. Впрочем, в 1905 году Шлиффен предложил сформировать 33 новых пехотных батальона. Причина заключалась в том, что, по расчетам

³⁶ См.: Herwig H. Strategic Uncertainties of a Nation State: Prussia-Germany, 1871–1918 // Murray, Knox, Bernstein. P. 259.

генерал-фельдмаршала, именно их могло не хватить для успешной реализации разработанного им плана. На первом этапе Шлифену дополнительных сил не требовалось, но численность населения Германии быстро увеличивалась, и страна могла без труда поставить под ружье много новобранцев. Шлифен решал свою шахматную задачу: как победить в скоротечной войне, используя имевшиеся у него силы. Конечно, он мечтал повторить, а лучше превзойти успехи, достигнутые фон Мольтке в 1866 году в войне против Австрии и в 1870-м против Франции, – эти кампании длились шесть и семь недель соответственно. Главной же целью Шлифена было избежать войны на истощение. «Стратегия изнурения противника, – писал он, – неприемлема, если на снабжение миллионов потребуются миллиардные расходы»³⁷.

Альфред фон Шлифен не дожил до того времени, когда стало ясно – на примере Гитлера, – что крушение даже самых блестящих планов агрессии неизбежно приводит к войне на истощение. Тем не менее Шлифен был прав – с учетом обстоятельств своего времени, – когда ограничивал масштабы наступления. План Гитлера провалился, потому что после быстрых побед на западе он поверил в то, что сможет повторить успех на огромных пространствах востока. Шлифен этих пространств опасался. Он понимал, что марш пешей и конной армии по бескрайним просторам рано или поздно сведет ее наступательный порыв на нет. Не в последнюю очередь поэтому его полуночные бдения проходили над картами Фландрии и Иль-де-Франс, исторической области во Франции и региона в центральной части Парижского бассейна, – там он перемещал корпуса и дивизии, двигал фланги, форсировал реки, брал крепости. Шлифен считал, сколько нужно немецких войск для противостояния силам, которые способна развернуть Франция, прикидывал их соответствие пропускной способности бельгийских и французских железных дорог. Трудности это не представляло – подобные вычисления составляли основу подготовки в штабных училищах: по заранее разработанным таблицам курсанты перемещали длину колонны на марше – например, 29 километров для армейского корпуса – на карту и определяли, какое количество войск может быть перемещено через данный сектор и с какой скоростью. Предел для форсированного марша равнялся 32 километрам – именно таким могло быть наступление корпуса по одной дороге; однако хвост 29-километровой колонны уже оказывался у границы дневного перехода. Трудность была в том, что неизвестно, сколько окажется дорог. При наличии двух параллельных хвосты колонн пройдут только половину максимального расстояния, при четырех дорогах – три четверти и т. д. В идеале подразделения армейского корпуса должны были наступать развернутой линией, и тогда все они совершили бы дневной переход длиной в 32 километра, но на практике, как признавал в одном из приложений к своему плану сам Шлифен, параллельные дороги располагались в лучшем случае в 1,5 километра друг от друга. На театр военных действий шириной более чем 300 километров требовалось переместить около 30 армейских корпусов, так что фронт наступления каждого корпуса составлял 10 километров, и на этом промежутке можно было найти не больше семи параллельных дорог. Недостаточно, чтобы к концу дня хвосты колонн догнали передовые части. Недостаток серьезен сам по себе, но еще серьезнее абсолютная невозможность любой попытки сосредоточить большее количество войск в необходимом радиусе. Они там просто не помещались³⁸.

Безусловно, то внимание, которое Шлифен уделял цифрам, было оправданно. Его план основывался на математических реалиях. Как признавал сам генерал-фельдмаршал в последнем дополнении, любая попытка увеличить количество войск на дорогах – а возможно, даже перемещение тех, что уже имеются, – приведет к транспортному коллапсу: «лишние массы войск окажутся позади линии фронта»³⁹. К несчастью для немцев, в основе плана Шлифена

---

³⁷ *Ibid.* P. 260.

³⁸ См.: Ritter. P. 173.

³⁹ *Ibid.* P. 180.

лежала не только математика. Начальник Генерального штаба оказался во власти эмоции, и эмоцией этой было самообольщение. Альфред фон Шлифен мечтал повторить великие победы 1870 года, но не на франко-германской границе, поскольку понимал, что французы не окажут немцам любезности, второй раз неосмотрительно вторгнувшись на территорию Германии, а в центре самой Франции. Несмотря на то, что, как неоднократно подчеркивал сам Шлифен, Франция представляла собой огромную крепость, защищенную как снаружи – на границе, так и внутри. Париж, например, был окружен современными фортификационными сооружениями. Бельгия тоже укрепились, но через нее лежал путь в обход французских крепостей, и армия этой страны была слишком мала, чтобы долго сопротивляться немецким войскам. Правда, в этом случае путь до Парижа удлинялся, а фронт наступления сужался. Отсюда и вытекала одержимость дорожной сетью, поиском коридора через Фландрию к Иль-де-Франс и Парижу, по которому корпуса правого фланга могли двигаться достаточно быстро, чтобы достичь поля решительного сражения в течение шести недель со дня объявления мобилизации. Если не уложиться в эти сроки, со своих бескрайних просторов могут появиться русские и разгромить небольшие силы, оставленные для защиты восточных подступов к Берлину.

Мечта рассказывала о вихре, урагане, а расчеты предупреждали о затихающем шторме. В своей записке 1905 года «Война против Франции» Шлифен выразил собственные опасения. «Очень важно, – отмечал он, – максимально ускорить продвижение правого крыла немецкой армии. Командование должно постоянно следить за маршрутами и соответственно регулировать движение»⁴⁰. По его собственному признанию, средняя скорость марша подготовленных войск составляет 20 километров в день. Приказы ускорить движение или сменить маршрут не смогут на это повлиять. Кроме того, следовало учитывать то, что Шлифен называл убывающей силой наступления. «Кадровые части необходимо беречь для битвы и не привлекать их к охране линий связи, осаде или штурму крепостей»⁴¹. Конечно, следует охранять железные дороги, необходимые для снабжения армии, а также занять крупные города и густонаселенные провинции Бельгии и севера-запада Франции⁴². Выполнение этих задач оттягивало на себя боевые подразделения армии. Могли быть и другие непредвиденные обстоятельства: если англичане высадятся на континенте и начнут наступление, немецкая армия остановится, разобьет их и продолжит операцию против французов. Высадятся англичане или нет, дополнительного времени на эту задержку не предусматривалось. В одном из примечаний к своему плану Шлифен также указывал на то, что после поражения 1870 года французы жаждут реванша: «... теперь, когда они пропитались наступательным духом, мы должны предполагать, что часть [их армии], которая не будет атакована, сама пойдет в наступление»⁴³. Появлялась мрачная перспектива войны на истощение, долгих боев с большими потерями. Опасность существовала в любом случае: «Если противник не отступит, войска по всей линии фронта должны пытаться, как при осаде крепостей, вступать в бой на каждой позиции, днем и ночью, наступая, вгрызаясь в боевые порядки врага и снова наступая»⁴⁴. Тревожило Шлифена и другое: «...если французы отойдут за Марну и Сену... война затянется надолго»⁴⁵.

Это не единственные ноты неуверенности. Есть и иные. В решающий момент для масштабного наступления через Бельгию и север Франции нужно будет много войск: «Необходимо задействовать большие силы... Потребуется восемь армейских корпусов. Мы можем гордиться численностью населения Германии, огромными людскими ресурсами, имеющимися в нашем

---

⁴⁰ Ritter. P. 139.

⁴¹ Ibid. P. 141.

⁴² Ibid. P. 142.

⁴³ Ritter. P. 174.

⁴⁴ Ibid. P. 144.

⁴⁵ Ibid. P. 145.

распоряжении, но из этих ресурсов уже получено столько обученных и вооруженных людей, сколько они могут дать... Восемь армейских корпусов чрезвычайно необходимы на правом фланге или позади него». Шлифен призывал к формированию этих восьми корпусов, которые увеличили бы силу армии на четверть, из резервов – необученного пополнения и ландвера (резервистов постарше), даже несмотря на то, что разделял опасения других военачальников по поводу проникновения в армию ненадежных элементов. А вот и новые поводы для беспокойства: «Количество корпусов [из восьми], которые можно будет перебросить [на правый фланг], зависит от пропускной способности железных дорог... [они] необходимы для окружения Парижа... Их наступление и атака на позиции противника показаны на карте 3»⁴⁶.

В этом месте тот, кто внимательно ознакомился с планом Шлифена, заметит, что он рушится: на карте 3 не показано, как новые корпуса наступают на Париж – главный опорный пункт «мощной крепости», которой немецкий генерал-фельдмаршал считал Францию, – и окружают его. Корпуса просто появляются на ней, но без указаний, как они оказались в пригородах столицы. Пропускная способность железных дорог в данном случае значения не имеет. Согласно плану Шлифена, в вагонах наступающие части должны были доехать только до границы Германии с Бельгией и Францией. Затем скорость наступления определяли башмаки пехотинцев. Сам Шлифен считал, что армия будет продвигаться только на 20 километров в день. В дни кризиса в августе и сентябре 1914 года немецкие, французские и британские воинские части превышали этот предел, иногда по нескольку дней подряд – 1-й батальон Глостерского полка англичан, отступая от Монса к Марне, с 24 августа по 5 сентября проходил в среднем по 25 километров в день, а 27 и 28 августа преодолел, соответственно, 34 и 37 километров, однако средняя оценка Шлифена была близка к реальной⁴⁷. 1-я армия Александра фон Клюка на краю правого фланга с 18 августа по 5 сентября 1914 года двигалась со скоростью чуть больше 20 километров в день, преодолев расстояние в 420 километров⁴⁸. Чтобы восемь новых корпусов, необходимых Шлифену для осуществления его плана, достигли места решающей битвы, они должны были идти не только все быстрее и быстрее, что было маловероятно, но и по тем же дорогам, которые были заняты другими войсками, а сие было просто невозможно.

Стоит ли удивляться, что в тексте меморандума Шлифена можно найти такое признание: «...мы не настолько сильны, чтобы успешно осуществить план», а затем в дополнении: «...на такой протяженной линии фронта нам потребуются большие силы, чем считалось до сих пор»⁴⁹? Генерал-фельдмаршал попал в логическую засаду. Железнодорожный транспорт доставит войска на исходные позиции. Дороги Бельгии и Франции позволят им достичь окрестностей Парижа через шесть недель после начала мобилизации, но их сил будет недостаточно, чтобы выиграть решающее сражение, если к ним не присоединятся восемь корпусов – 200 000 человек, – для которых просто не было места. Планируемая победа имела врожденный дефект.

Тем не менее план Шлифена был взят на вооружение. На посту начальника Генерального штаба в 1906 году его сменил Гельмут фон Мольтке-младший, племянник победителя войн 1866 и 1870 годов. Он внес в план ряд поправок. Шлифен и сам это делал до самой смерти, но ни ему, ни Мольтке не удалось устранить свойственные плану противоречия. Мольтке-младшего обычно обвиняют в том, что он усилил левый фланг развертывания немецких войск. Но новый начальник Генштаба сделал это, чтобы не допустить вторжения французов на территорию Эльзаса и Лотарингии! Его ведомство смогло сократить время, необходимое для погрузки войск и доставки их в приграничные пункты развертывания, – как минимум на два дня в одних

⁴⁶ Ritter. P. 143.

⁴⁷ См.: Edmonds J. Military Operation, France and Belgium, 1914, I. London, 1928, Appendix 31.

⁴⁸ Ibid. Sketch 5.

⁴⁹ Ritter. P. 141, 178.

секторах и на четыре в других⁵⁰. А между тем за железными дорогами, где планирование могло ускорить движение, начинались дороги обычные, где сие было невозможно. Жесткое ограничение 20 километров, которые могла проделать колонна на марше, разрушало расчеты самых блестящих умов. Мольтке и его подчиненные больше головы не ломали и положили план Шлиффена под сукно. Удивительно то, что в 1914 году они его достали и начали воплощать в жизнь. Результаты были катастрофическими.

У французов тоже имелся план войны против Германии. Разрабатывать его начали в 80-х годах XIX столетия. В этот план неоднократно вносились изменения, и вариант XVII предполагал именно ту «любезность» немцам, возможность которой отвергал Шлиффен, – наступление через франко-германскую границу в Лотарингию и в направлении Рейна. По мнению Шлиффена, это в наименьшей степени соответствовало интересам самой Франции. Дело в том, что в 80-х годах XIX века не только Франция, но и Германия потратила очень много сил и средств, чтобы усовершенствовать фортификационные сооружения, защищавшие ее территорию. Провинции Эльзас и Лотарингия, вошедшие в состав новой германской империи в 1871 году, были хорошо укреплены Францией за два предшествующих столетия. Тем не менее по указанию имперского правительства Германии – теперь Эльзас и Лотарингия были территорией рейха и подчинялись Берлину – укрепления городов Мец и Тьонвиль на реке Мозель, а также Страсбурга на Рейне существенно обновили. Эти города служили воротами из Франции в Германию – французы недаром продолжали называть Страсбург Страсбуром. Шлиффен не верил, что высшее военное командование Франции решится на такое безрассудство – атаковать их.

В период подготовки плана Шлиффена это предположение было верным. Французский вариант XIV, разработанный в 1898 году, в случае войны с Германией предусматривал оборону их общей границы. Французское наступление считалось невозможным – численное превосходство немцев было подавляющим. Население Франции составляло 40 000 000 человек и оставалось приблизительно на том же уровне, тогда как в Германии насчитывалось уже 50 000 000, и эта цифра быстро росла. Высшее командование Франции опасалось способности Германии – доказанной на деле – в случае необходимости быстро увеличить численность армии за счет резервистов. Французская же система резерва в 1870 году потерпела фиаско. В 1898-м у французских генералов не было веры в то, что она стала эффективнее. В плане XIV резервным формированиям не отводилось никакой роли, а в варианте XV, принятом в 1903 году, она была вспомогательной, со многими оговорками.

Проблема резервов занимала мысли французских военачальников все первое десятилетие XX века. В то время как немецкие генералы решали задачу максимально быстрого перемещения большого количества войск к выбранному театру военных действий, французские стратеги ломали головы над тем, как добиться необходимой численности армии. Закон о всеобщей воинской обязанности 1905 года, согласно которому все без исключения молодые французы должны были проходить двухгодичную службу в армии, позволил решить эту задачу, увеличив численность кадровой армии в мирное время. После принятия данного закона французская армия по численности даже превосходила ту, что немцы планировали развернуть в Бельгии, что снова выдвигало на первый план проблему резервов. Кадровая армия, достаточно большая, чтобы обеспечить численный перевес на общей с Германией границе, при расширении фронта нуждалась в пополнении. План XV-бис, разработанный в 1907-м, предусматривал массовое сосредоточение французских войск в Южной Бельгии. Два года спустя его усилил план XVI, даже несмотря на то, что для этого требовались резервы, в возможности привлечения которых высшее командование все еще сомневалось. К 1911-му опасения масштабного наступления через Бельгию немецкой армии, усиленной резервом, заставили Виктора Мишеля, нового начальника Генерального штаба Франции, отступить от стратегии, реализованной в планах

⁵⁰ См.: *Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian war Planning*. New York, 1991. P. 267.

XIV–XVI: все доступные резервы должны были присоединиться к кадровым частям и полностью мобилизованную армию следовало развернуть на всей французской границе, от Швейцарии до Северного моря⁵¹.

План Мишеля – хотя он не мог этого знать – был зеркальным отражением плана Шлиффена, в нем даже предполагалось наступление на севере Бельгии, которое бы столкнулось с «мощным правым крылом» немецкого визави. Результат этого столкновения предсказать никто бы не взялся, хотя он вряд ли был бы не хуже того, что произошло в результате реализации совсем другого стратегического плана, разработанного в 1914 году. К сожалению, Мишель был во французском генералитете чужим, «республиканцем», политика которого принималась коллегами в штыки. Вскоре к власти во Франции пришло правительство правого толка, и Мишеля отправили в отставку. Вариант XVII, принятый в апреле 1913 года, пересматривал новую стратегию. Соединение резервов с кадровыми частями отменили. Развертывание армии вплоть до Северного моря также посчитали лишним, оставив на левом фланге только 5-ю армию на случай опасности немецкого наступления через север Бельгии. Но самое главное – на общей границе с Германией планировались наступательные операции. «Независимо от обстоятельств, – говорилось в плане XVII, – цель главнокомандующего состоит в том, чтобы всеми имеющимися силами атаковать немецкие армии»⁵². Это означало наступление в Лотарингии – «любезность» Франции, в которой сомневался Шлиффен.

Для принятия плана XVII, детища Жозефа Жоффра, сменившего Мишеля на посту начальника Генерального штаба, имелось несколько причин. Во-первых, у разведывательных служб не было информации, что немцы действительно рискнут предпринять стратегически сомнительное и дипломатически дерзкое наступление через север Бельгии. Действительно, учитывая строжайшую секретность военного планирования в те годы, а также явную нерасторопность 2-го отдела Генерального штаба (военной разведки), добыть подобные сведения было нелегко⁵³. Во-вторых, в Париже усилилось беспокойство по поводу реакции Германии на французский закон о всеобщей воинской обязанности 1905 года. В 1911–1913 годах Германия также приняла нормативные акты об обязательной воинской службе, что позволило резко увеличить численность кадровой армии⁵⁴. Эти меры, а также известная способность немцев быстро разворачивать резервные части при мобилизации свидетельствовали о необходимости решительных действий французской кадровой армии, прежде чем в действие смогут вступить резервы обеих противоборствующих сторон. Сие означало наступление, причем в том месте, которое немцы должны защищать и которое располагается недалеко от общей границы. Более того, на немецкие законы о воинской повинности 1911–1913 годов Франция ответила увеличением срока службы в армии до трех лет. Этот закон, принятый в 1913-м, не компенсировал растущее численное превосходство немецкой армии над французской, но автоматически уменьшал численность резервов, что служило дополнительным аргументом в пользу немедленных наступательных действий в случае начала войны. И последней причиной для принятия плана XVII стали крепнущие связи между Францией и ее союзниками. Французский и британский Генеральные штабы активно сотрудничали с 1905 года. К 1911-му они договорились, что в случае нарушения Германией англо-французско-прусского договора 1839 года, гарантировавшего нейтралитет Бельгии, Британский экспедиционный корпус высадится на континенте и займет место на левом фланге французской армии. Париж и Лондон надеялись на большее: при угрозе со стороны Германии Бельгия пропустит через свою территорию французские войска. Или английские... Или и те и другие... Этим надеждам не суждено было сбыться – и Франция,

---

⁵¹ См.: Gat A. *The Development of Military Thought*, 2. Oxford, 1992. P. 153–157.

⁵² Etat-major de l'armée. *Les armées françaises dans la Grande guerre*. Paris, 1922. I, i, annexes. P. 21.

⁵³ См.: Williamson S. *Joffre Reshapes French Strategy // Kennedy*. P. 145.

⁵⁴ См.: Gat. P. 155.

и Британия получили категорический отказ от бельгийского Генерального штаба (для Франции этот отказ стал дополнительной причиной принятия плана XVII), но французы могли хотя бы утешаться решимостью Британии оказать им поддержку. Официального договора по этому поводу не было, но генералы знали, что, если их штабы что-то решили, за словами следуют действия⁵⁵.

Совместные планы разрабатывали французы и с русскими «специалистами» – между странами был заключен официальный военно-дипломатический союз, но там дела шли не быстро. Генералы укреплялись в необходимости наступательного плана XVII, потому что обещания России помочь в случае войны с Германией были расплывчатыми⁵⁶. Стратегические трудности русских в чем-то оказались похожими на трудности французов, а в чем-то отличались. Как и Франция, Россия в случае кризиса не могла мобилизовать резервы так же быстро, как Германия. В первых операциях император Николай II мог рассчитывать только на кадровую армию. Однако в отличие от Франции, которой просто не удалось создать удовлетворительный механизм пополнения кадровых вооруженных сил резервистами, у России были проблемы не организационного, а скорее географического характера. Развертывание войск на фронте замедлялось огромными расстояниями между населенными пунктами внутри страны и их удаленностью от границы с Германией. Впрочем, эти расстояния в то же время были преимуществом России, поскольку пространство наряду со временем является одним из главных факторов войны. Российской империи не грозил кризис мобилизации. Страна могла смириться с потерей части территории, пока собирала армию, что для Франции являлось неприемлемым. В ее Генеральном штабе это прекрасно понимали, поэтому план XVII был в какой-то степени оправдан тем, что грандиозная битва, которую он предполагал, позволяла собраться с силами на востоке. В то же время французы хотели с самого начала убедить русских, что биться будут не на жизнь, а на смерть. Чем быстрее разразится кризис, чем он окажется масштабнее, тем больше опасность для Франции, а следовательно, и угроза для России – ее союзницы. Русские должны как можно скорее прийти на помощь стране, с которой их связывает официальный договор.

Однако Россия всегда отличалась медлительностью, что вызывало вполне обоснованное раздражение французских генералов. Усугубляло ситуацию и то, что русские коллеги были скрытными и зачастую непрактичными – в отличие от британских, которые внушали доверие, хотя формально и не считались союзниками. Еще хуже была уклончивость России, не стремившейся зафиксировать договоренности на бумаге. До 1911 года русские, несмотря на постоянное давление французов, отказывались обещать нечто большее, чем некие наступательные действия на двадцатый день мобилизации. В конце 1910 года, когда Россия вывела несколько армейских соединений из Польши, которая в то время ей принадлежала, даже эти минимальные ожидания оказались поставлены под сомнение. К тому же русский царь встретился с кайзером в Потсдаме. В августе 1910-го встревоженный Жоффри инициировал новые переговоры между Генеральными штабами, и военный министр России генерал Владимир Сухомлинов наконец заверил французов, что русская армия предпримет наступательные действия на шестнадцатый день мобилизации в надежде связать по крайней мере пять или шесть немецких корпусов, которые в противном случае были бы задействованы на Западном фронте. Французы не получили письменной гарантии, что русские выполнят свои обязательства, и не имели четкого представления, какие именно действия предпримет Санкт-Петербург⁵⁷. Конечно, у русских были свои проблемы. Первое десятилетие XX века оказалось для них непростым – рево-

---

⁵⁵ См.: *Williamson // Kennedy*. P. 147.

⁵⁶ *Ibidem*.

⁵⁷ См.: *Williamson // Kennedy*. P. 135.

люция и поражение в войне с Японией на Дальнем Востоке... После войны страна испытывала экономические трудности, а армия была дезорганизована.

Так или иначе, в 1906–1909 годах план Шлифена мог бы оказаться успешным. Русские мыслили только об обороне, и до их помощи Франции дело вряд ли бы дошло. К 1909 году положение в России улучшилось, и военные стратеги воспряли духом. Было принято так называемое мобилизационное расписание № 18 – оно уже предусматривало наступательные операции, хотя источник главной угрозы еще не был определен. Германия или Австрия? В июне 1910-го русский Генеральный штаб утвердил мобилизационное расписание № 19, в котором главным противником признавалась Германия. Тем не менее Россия не исключала возможность, что ей придется отдать большую часть территории Польши. Такая перспектива вызвала возражения у командующих западными округами. Последовали дебаты в Генеральном штабе – обсуждались оперативные возможности, традиционные интересы России на юго-востоке Европы и союзнические обязательства по отношению к Франции. Результатом стал компромисс, известный как варианты «А» и «Г» мобилизационного расписания № 19: «А» – для главного удара по Австрии и «Г» – по Германии⁵⁸.

Если бы французы узнали подробности варианта «А», они убедились бы в обоснованности своих худших предположений. К счастью для них, в августе 1912 года – том же месяце, когда в Санкт-Петербурге закончили разработку двух вариантов мобилизационного расписания № 19, – Франция смогла добиться от генерала Якова Жилинского, начальника Генерального штаба русских, обещания, что они будут наступать на Германию силами не менее 800 000 человек (половина регулярной армии) «после М+15», то есть через пятнадцать дней после начала мобилизации⁵⁹. В статье III военной конвенции, которую заключили Россия и Франция в 1913 году, это обещание конкретизировалось – не после пятнадцатого дня с начала мобилизации, а на пятнадцатый день. У этой неожиданной демонстрации верности союзнику имелось несколько причин. Одна из них заключалась в том, что к 1913 году русская армия в основном оправилась от удара – поражения от японцев. Дополнительные ассигнования и «большая программа» Сухомлинова по модернизации армии обещали позитивные изменения и увеличение численности кадрового состава через четыре года. Второй причиной, как предполагалось, были неверные данные разведки. В 1913-м у русских был действующий агент, австрийский полковник Альфред Редль, который продал им планы мобилизации своей армии, что могло бы минимизировать опасности при реализации плана «А». Третье объяснение действий русских заключалось в том, что союз с Францией был действительно важен. «Если Франция не окажет серьезного сопротивления немцам и будет разбита, Россия вряд ли сможет противостоять объединенным армиям Германии и Австро-Венгрии... Россия и Франция вместе либо победят, либо проиграют... России следует стремиться к выполнению своих обязательств, вплоть до наступления через пятнадцать дней после начала мобилизации»⁶⁰. И наконец, высказывалось предположение, что русские генералы не просчитали опасности, которыми грозила замена оборонительной, хотя и эгоистичной, войны наступательными действиями, но в этом отношении от французов и немцев они отличались только медлительностью с принятием решения пойти на риск.

В 1906–1914 годах Российская империя раздражала Францию своей уклончивостью и медлительностью. Точно такие же чувства испытывала Германия в отношении своей союзницы Австрии. Две последние воевали в 1866 году. Австро-прусская война закончилась тем, что Германия заняла лидирующее положение в Центральной Европе, однако к 1882 году разногласий у них уже не было. Военное сотрудничество союзнический договор тем не менее не

---

⁵⁸ См.: *Sayder L.* The Ideology of the Offensive. Ithaca, 1984. P. 182.

⁵⁹ *Menning B.* Bayonets Before Bullets: The Russian Imperial Army, 1861–1914. Bloomington, Ind., 1992. P. 245.

⁶⁰ *Menning.* P. 247, 248.

предусматривал. Канцлер Германии Бисмарк помнил о многочисленных внутренних и внешних проблемах Австрии, среди которых была давняя вражда с Османской империей, лишь недавно улаженная ссора с Италией по поводу потери Венеции и растущие претензии Сербии и Румынии на земли Габсбургов. При разработке стратегических планов между Генеральными штабами Австрии и Германии проводились неофициальные консультации. Австрия знала, что в случае войны на два фронта Германия будет вести оборонительные бои против Франции и постарается развить успех на востоке. Германия рассчитывала на то, что Австрия начнет наступление в принадлежащей Российской империи части Польши. Этим дело и ограничивалось. В австрийском Генеральном штабе Шлифена считали скрытым и надменным⁶¹. После того как он вышел в отставку, переговоры стали более продуктивными.

Новый начальник немецкого Генерального штаба Мольтке-младший точно знал, что нужно делать. План Шлифена пока был отложен, но для его реализации требовалось максимально быстро развернуть значительную группировку австрийских войск в Польше. Его коллега, начальник австрийского Генерального штаба Конрад фон Гётцендорф, был встревожен угрозой войны не только с Россией, но и с покровительствуемой ею Сербией. Италия и Румыния не могли считаться надежными союзниками. Гётцендорф просчитывал варианты, неблагоприятные для Австрии, причем их пусковым механизмом могло стать любое событие или случайность. Худшим из возможных вариантов была война Австро-Венгрии против Сербии, в которую вмешается Россия после того, как основная часть армии будет развернута к югу от Дуная, а не на севере Польши. Фон Гётцендорф предложил в случае начала военных действий разделить армию на три группы: «минимальную балканскую» из 10 дивизий, которая должна противостоять Сербии, «эшелон А» из 30 дивизий для развертывания на Польском фронте и «эшелон Б» из 12 дивизий в качестве мобильного подкрепления на том направлении, где это потребуется.

Мольтке считал, что этого недостаточно. 21 января 1909 года он направил начальнику австрийского Генерального штаба письмо с призывом оказать Германии большую поддержку. Мольтке писал, что опасения австрийцев в ненадежности Италии и Румынии не имеют под собой оснований, и заверял коллегу: война на западе будет завершена раньше, чем Россия сможет провести полную мобилизацию. Германия к тому времени перебросит значительные силы на восток. При этом точный график он не сообщал. Гётцендорф сделал выводы, что Австрии придется вести войну на два фронта. 26 января он предупредил Мольтке, чтобы Германия не рассчитывала на переброску «минимальной балканской группы» в Польшу раньше чем через 50 дней после начала мобилизации. Сможет ли Германия, в свою очередь, гарантировать поддержку Австрии в течение 40 дней? Если нет, они будут придерживаться оборонительной тактики в Польше и предпримут решительное наступление на Сербию. Надо заметить, что главной целью Конрада фон Гётцендорфа была именно Сербия – ее он мечтал сокрушить. Подобно многим австрийцам немецкого происхождения, этот генерал недолюбливал маленькое славянское королевство и потому, что оно не признавало неофициальную доминирующую роль Австрии на Балканах, и потому, что Сербия как магнит притягивала всех недовольных из империи Габсбургов. Победить Сербию значило разрешить все трудности, которые испытывала Австро-Венгрия со своими славянскими меньшинствами. Ну почти все...

Ответ Мольтке содержал как заверения, так и возражения. Немецкая армия решит все свои задачи во Франции за четыре недели (план Шлифена, с подробностями которого австрийцы не были знакомы, предусматривал шесть недель), поэтому Австрия может смело идти на Польшу. Даже если Австрия будет втянута в войну с Сербией, Германия не оставит ее без помощи, а что касается Сербии, то проблема разрешится для Австрии естественным

---

⁶¹ См.: Stone N. // Kennedy. P. 224.

путем. Гётцендорф все-таки сомневался: «Но что мне делать, если я уже завязну в Сербии?»⁶² Габсбурги могли выставить 60 дивизий против 10 сербских – в два раза больше, чем считалось необходимым для победы, поэтому такая осторожность, пожалуй, была излишней. Австрийская армия никак не могла потерпеть поражение от сербов, даже если бы задействовала против них только «минимальную балканскую группу». Мольтке, которому нужно было добиться того, чтобы русским пришлось вести войну на два фронта, сдержал раздражение неуместной робостью австрийского коллеги и в ответном письме пообещал помощь: «Мы без колебаний поддержим наступление Австрии»⁶³. Ему не следовало этого делать. Согласно плану Шлифена, во время грандиозной битвы на западе та часть немецкой армии, которая останется в Восточной Пруссии, должна была придерживаться оборонительной тактики. Тем не менее намерения Мольтке были благими, и письмо от 19 марта 1909 года, в котором прозвучало это обещание, заложило основы взаимопонимания между союзниками на годы вперед. Надо заметить, что Конрад фон Гётцендорф вследствие своей агрессивной внешней политики (он ратовал за превентивную войну не только с Сербией, но и с Черногорией, а также за установление гегемонии в Албании) находился в конфликте с парламентами обеих частей империи, а также с министром иностранных дел и в ноябре 1910-го был смещен с должности начальника Генерального штаба. Впрочем, через год он вернулся и сотрудничество с Мольтке продолжилось. Во время их последней довоенной встречи в мае 1914-го на немецком курорте Карлсбад начальник немецкого Генерального штаба на просьбу австрийского коллеги разместить на востоке дополнительные войска ответил неопределенным обещанием: «Я сделаю все, что смогу»⁶⁴. План Шлифена с «мощным правым флангом» на карте Северной Франции этого не предусматривал, но Мольтке рассчитывал на решимость австрийцев и слабость русских.

А вот на что он вовсе не рассчитывал, так это на вмешательство Британии. Шлифен в своем меморандуме между тем такую возможность не исключал: в дополнении, представленном в феврале 1906 года, обсуждалось участие в военных действиях англичан, но предполагалось, что они ограничатся высадкой в Антверпене или, возможно, на немецком побережье Северного моря. Шлифен не думал, что британцы будут сражаться рядом с французами, чтобы остановить немецкое наступление через Бельгию. «Сердечное согласие» между Францией и Британией было заключено в 1904 году, но переговоры о согласовании действий в случае войны начались только в декабре 1905-го, поэтому Шлифен – именно в этом месяце он закончил составление меморандума – на это ставку не делал. Более того, среди самих британских генералов, которые вели переговоры с французами, не имелось согласия относительно действий армии, высадившейся на континенте. Один вариант – это десантная операция (за нее ратовал Королевский флот, считая средством принудить немецкие корабли к битве и уничтожить их)⁶⁵. Другой вариант – так называемый отвлекающий маневр. Универсальные законы военного искусства требовали концентрации сил на решающем направлении. В войне, где наступление будет вести Германия, это направление окажется во Франции, и именно там надо развернуть британские экспедиционные силы – к такому выводу в процессе поэтапных переговоров пришли Генеральные штабы Британии и Франции. В апреле 1906 года Комитет обороны империи разработал план передислокации войск непосредственно в Нидерланды. Затем последовала пятилетняя пауза, вызванная нежеланием Бельгии пропускать британскую армию, а также неспособностью французов составить убедительный план военных действий. Все изменилось в 1911 году, после того как начальником французского Генерального штаба стал Жозеф Жоффр, а в Британии должность начальника управления разработки военных операций занял

⁶² Stone // Kennedy. P. 228.

⁶³ Stone // Kennedy. P. 223.

⁶⁴ Tunstall G. Planning For war Against Russia and Serbia: Austro-Hungarian and German Military Strategies, 1871–1914. New York, 1993. P. 138.

⁶⁵ См.: Herrmann D. The Arming of Europe and the Making of the First World war. New York, Princeton, 1996. P. 156.

Генри Уилсон. На их первой встрече в Париже в ноябре этого же года Жоффр раскрыл коллеге общие положения плана XVII⁶⁶

---

⁶⁶ См.: *Gooch J. Italy During the First World War // Millett A., Murray W. Military Effectiveness, I. Boston, 1988. P. 294.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.